

Дмитрий
Тростинков

ШАРЛАТАН

Чудо для проклятого короля

Annotation

Зарабатываешь тайно фальшивыми чудесами в средневековье — не вздумай прослыть лучшим, как Люгер! Теперь сам король Борхард «Проклятый» требует грандиозного чуда, чтобы начать священную войну. Люгеру и его шайке бродячих шарлатанов не по силам колоссальная фальшивка. Но за чудо молодой король, жаждущий власти над миром, предлагает сделать лже-чудотворца главным ученым страны. Если бы знать, какая расплата ждет за исполнение мечты...

1162 год ожидания конца света. Обитель Шомело-Дельвинь.

Удача покинула беглецов, когда они уже перелезали через зубцы крепостной стены. Троицу в капюшонах, карабкавшихся на внешнюю сторону стены, заметил соглядатай во дворе обители. С воплем мстительного торжества, он метнулся к верховному жрецу, указывая вверх.

— Держите их! Колдуны и воры надругались над святыней! — главный жрец воздел толстый палец в перстне с изумрудом.

Десятки жрецов ринулись в погоню на верхнюю галерею. Следом, гневно потрясая палками и камнями, устремились паломники, переполнявшие двор обители, после вчерашнего чуда. Не поспевая за обозленной толпой, четверо дюжих послушников увлекали под руки тучного главного жреца. Щеки главного жреца содрогались от напряжения, глаза вылупились от бешенства. Его подручные немо благоговели перед благочестивым жрецом, после чуда, сотворенного им на глазах у всей обители.

Беглецы уже лихорадочно спускались по веревочной лестнице вдоль крепостной стены. Сильный ветер замедлял движение. Его порывы мотали веревочные перекладины, мешая поймать их ногами. Движение задерживал маленький горбоносый человечек, спускавшийся первым. Он, то и дело смотрел вниз, чтобы не вслепую переставлять ногу. Но в глаза ему бросалась бездна под болтающимися веревками, и несчастный обмирал от страха. Молодой блондинчик, напирал сверху на горбоносого. Откинув капюшон, он делал вид, будто совсем не боится.

— Лестницы не хватает до земли, — предупредил старший из беглецов, спускавшийся последним. — Но это не важно. Я изобрел крылья нетопыря — сейчас мы их испытаем...

На болтающейся лестнице, на весу, он пытался высвободить из-под дерюги сложенные палки, кое-как действуя одной рукой. Длинные палки оказались складной конструкцией, раздвигавшейся на подобии веера. Рамы из палок соединяла перепонка из тонкой кожи, которая натягивалась. Раскрытая конструкция действительно походила на распростертые крылья немыслимой летучей мыши.

Блондинчик начал снизу помогать высвободить крылья. Это еще затормозило движение троицы. Как только первое крыло удалось вытащить из-под дерюги, ветер едва не вырвал конструкцию из рук беглецов. Перепончатое крыло, словно парус мотнуло лестницу с висящими людьми вдоль стены. Блондинчик кое-как свернул рамки и сунул вниз — горбоносому.

— Там ручки приделаны, чтобы держаться. Когда доберешься до края лестницы — просто распахни крылья и прыгай. Ты не упадешь, а спланируешь — тебя понесет ветер, — торопливо учил старший, перекрикивая ветер.

Но горбоносого парализовал страх.

— Узи не прыгает, Люгер! — пожаловался главному блондинчик. — Он уже в самом низу, а прыгать трусит! Вцепился, как клещ!

Действительно, малыш судорожно цеплялся за последние перемычки лестницы, стиснув подмышкой сложенные крылья. Он еще и капюшон натянул на лицо, чтобы не видеть

кошмара внизу. Казалось, никакая сила не оторвет перепуганного человека от веревок, которые страх превращал из пути к спасению в хлипкую ловушку, болтающуюся на весу.

А наверху в дело вступила новая сила. Веревки дернулись, и лестница медленно поползла обратно вверх, пядь за пядью. Старший беглец, которого звали Люгер, в тревоге задрал голову. На стене несколько крепких жрецов, ухватились за веревки, и, поднатужившись, втягивали лестницу обратно, вместе с гроздьё повисших беглецов.

— Узи, чтоб тебя! — бешено выругался Люгер на горбоносого. — Не трусь, прыгай. Там не высоко! Из-за тебя нас всех посадят на цепь!

Но горбоносый не реагировал.

— Ача, дотянись надавать Узи пощечин! — приказал Люгер, обращаясь к блондинчику. — Он в ступоре, не соображает.

Блондинчик сделал еще один зыбкий шаг ниже, изогнулся невероятно, и попытался отвесить оплеуху зажмурившемуся Узи, но ветер и рывки жрецов снова качнули лестницу и вместо удара получился шлепок, как одобряющее похлопывание ладонью по щеке.

Наверх уже втянули достаточный кусок лестницы, позволивший ухватиться еще паре крепких паломников. Главный жрец, доставленный на верхнюю галерею, отдавал команды.

— И-и-и, раз! — дирижировал он наверху, посверкивая изумрудом перстня.

Сила тяги увеличилась, и лестница пошла быстрее.

— Ача, покажи ему пример! — решил Люгер. — Прыгай первым.

— Давайте вы первый, Люгер! — возразил блондинчик. — Этим уродам нужны вы. Они вас будут мучить на цепи. Нас вы как-нибудь вытащите...

— Делай, что тебе говорят! — заорал Люгер, и резко пихнул блондинчика ногой в спину.

Мгновение тот балансировал на весу, но не удержался, и кубарем полетел вниз. Юноша судорожно дергал крылья, пытаясь раскрыть рамку, но от толчка тело его кувыркалось в воздухе. Извернуться, чтобы раскрыть крылья над головой ему все-таки удалось. И повезло, что крепкий порыв ветра дунул снизу. Крылья полностью расправились, перепонки надулись, и блондинчик начал планировать от стены по широкой дуге. Сверху, это действительно выглядело, как полет огромного нетопыря, раскинувшего зловещие перепончатые конечности.

— Нечисть! — охнули жрецы на стене.

Впечатлительные отшатнулись от жуткого зрелища. Другие принялись торопливо молиться.

— Нелюди прокрались в обитель! — гневно взревел главный жрец. — Тяни сюда нелюдей!

Активисты ухватились за веревки с удвоенной силой. Без блондинчика груз полегчал, дело пошло быстрее.

Люгер, зависший у самого края лестницы, умолял трусившего горбоносого.

— Узи, не смотри вниз! Еще немного поднимут, и будет слишком высоко! Прыгай сейчас!

Внятная человеческая речь привела горбоносого в чувство. Он закивал, и зашевелился, но никак не мог раскрыть громоздкую конструкцию крыльев.

— Бросьте его, Люгер! Спасайтесь! — виновато кричал снизу приземлившийся блондинчик, сложив рупором ладони.

Трясущимися руками горбоносый ухватился за рукояти крыльев, но еще раз глянул вниз — высота снова была огромной — он дрогнул. Этой паузы хватило, чтобы жрецы с победным

воплем затащили беглецов обратно на стену.

— Взять нелюдей! — приказал главный жрец.

Но паломники и жрецы, шокированные зрелищем противоестественного полета, отшатнулись от существ, которых выудили из-за стены.

Люгер воспользовался их суеверным страхом.

— Утащу с собой в ад, кастраты! — перекосив лицо воплем, он сам, первый ринулся на жрецов: — Ха-ха-ха!!!..

Порыв ветра отшвырнул его вопль в колодец двора, где эхо, отдалось от стен сатанинским хохотом. Оробевшие жрецы попятились назад. Люгер выхватил из карманов балахона пару белых шариков, и со всего маху швырнул их о каменную кладку под ноги себе и жрецам. С оглушительными хлопками шарики воспламенились, от них пошел черный едкий дым.

Окружающие шарахнулись бы назад от ужаса, но их самих окружала плотная толпа паломников, напиравших сзади. Жрецы только сдали на пару шагов, отдавливая ноги и толкая задних. Вокруг неприкасаемых изгоев высвободилось некоторое пространство.

Замешательство жрецов дало Люгеру секунду метнуться к Узи. Тот стоял на краю стены, расправляя и складывая перепончатые крылья, словно чудовищный птенец, не решающийся первый раз вылететь из гнезда.

— Вон тот нелюдь! — раздался вопль снизу из двора обители. — Паломником прикидывался. Тварь нечистая! Я сразу почуял.

Во двор обители забежал патруль серых стражей. Доносчик с испытанным лицом указывал пальцем на крылатого Узи, здоровенному командиру патруля серых.

Люгер успел сунуть в руки Узи веревки лестницы, и глядя в его безумно выпученные глаза, столкнулся вниз. Человечек пролетел полстены, когда веревки лестницы растянулись на всю длину, сила инерции рванула их из рук горбоносого, пальцы его разжались. Узи панически задргал самодельными крыльями изо всех сил, стараясь опереться на ветер. Вместо плавного полета, он падал вниз зигзагом. Однако вес тела щуплого горбоноса был невелик, а взмахи крыльев притормозили падение. Он не обрушился, а свалился на землю достаточно мягко, и сразу вскочил на ноги.

Тут уже сам Люгер бросился к стене, и успел наполовину перемахнуть через нее, когда его схватило множество рук. Вцепившись в его одежду, паломники и жрецы втащили изгоя обратно, и держали крепко, не позволяя шевельнуться...

Часом ранее

Разговоры в дешевом трактире стихли мгновенно, как только два серых стража шагнули внутрь. Старший патруля благочестия даже пригнулся, чтобы не задевать макушкой низкий потолок. Этот здоровенный детина недавно облачился в серое, наверное, был взят на службу из какой-нибудь деревни. Он обвел бдительным взглядом каждого посетителя убогого заведения, озираясь тщательно, как полагалось по инструкции.

— Добро пожаловать, уважаемые! — метнулся навстречу трактирщик, кланяясь и вытирая руки фартуком. — У нас порядочное заведение. Напитки прошли благословение, печать иерарха на каждой бочке... Желаете отведать?..

Серый здоровяк не удостоил трактирщика ответом. Закончил осмотр и шагнул к выходу. Будь страж опытнее, он точно проверил бы нескольких типов за дальним столиком. Внешне они не отличались от обычных выпивох, но подозрительно тихо шушукались, а не горланили,

как здесь принято.

— «Печать иерарха»!.. Бодяжит пойло на заднем дворе из гнилых опилок, а туда же!.. — скривился неприятный бездельник, лидер этой компании. — Ладно, рассказывай, что было дальше?.. — толкнул он в бок горбоносого человечка в капюшоне, притулившегося неприметно в тени.

Горбоносый искоса поглядывал, когда закрывается дверь за серыми. Перевел дух, и дал знак собутыльникам, наклониться поближе.

— Истинно говорю вам, — горячо зашептал горбоносый. — Он только шагнул внутрь, и стая белых голубей тут же влетела в храм. Светлые птицы описали круг, и расселись вверху под сводом, точно знали: чудо здесь произойдет, и летели издалека. С каждым его шагом храм наполнялся сиянием, а ведь ни одного факела никто не зажигал!.. Больного уже переложили в гроб, но он еще корчился, и весь почернел. Родные валялись на полу, в слезах молили прекратить страшную агонию, и ускорить смерть. Уже в гробу беднягу начало карежить в сто раз страшнее! Гроб затрясся, алтарь завибрировал. А чудотворец простер руку, и провозгласил заклинание: «Гаромон-кахомар»!..

Собутыльники отпрянули, похватав свои кружки. В пылу рассказа горбоносый сам простер руку над столом, и его жутковатое «Гаромон-кахомар» прозвучало особенно зловеще, даже кружки на столе брякнули, как если бы кто-то задел ножку стола.

— Гаромон-кахомар-р!.. — веско повторил горбоносый, сверкая глазами. — И бес ринулся наружу из больного. Мерзкий такой с клыками и щупальцами, он разевал пасть и выл, но не мог вырваться из-под десницы чудотворца. Больной шагнул из гроба, очистившийся, хотя и очень ослабевший. А бес трясся в гробу, и вонял хуже гноя. А потом гроб взлетел! Но не высоко, потому что сверху его отгоняли белые голуби, пикировавшие из-под купола храма. А гроб начал летать вдоль стен, так что людям приходилось прятать головы, чтобы он их не снес...

— Бреешь!.. — выдохнул неприятный бездельник. Он был из мерзкой породы пьянчуг, злость которых нарастает с каждой выпитой рюмкой. — Это главный жрец нашей обители изгнал беса, все так говорят...

— Ну, конечно! — снисходительно осклабился горбоносый. — Тебе интересно знать, как всем велели говорить, или как было на самом деле?.. Так вот я и говорю — этот чудотворец стоял за спиной жреца. Даже руку ему положил на плечо, и его сила на время передалась жрецу. А вернее — жрец стал орудием чудотворца...

— А что гроб?.. — влез с нетерпеливым вопросом захмелевший подмастерье.

— Вылетел из храма, и грохнулся на ступени, — отмахнулся горбоносый. — Раскололся, и потекла из него зловонная жижа, гниль, жабы и черви всякие полезли. Видать бес сдох, такая светлая сила исходила из чудотворца... И ваш храм теперь прославится. Паломники несут пожертвования горстями. Видел, как чаши для даров ломаются от монет? Кто медячок хотел положить, теперь серебряную монетку кладет, а кто побогаче: золотой не жалеет. Люди от чуда щедрят, и раскошеливаются...

— А ты сам не из вахлаков будешь? — издевательски подначил бездельник. Потребность кого-нибудь изводить выпирала наружу из этого типа. — Нос у тебя какой-то характерный...

— Я смиренный пилигрим, — покачал головой рассказчик, и засобирился. — Видел чудо, теперь рассказываю добрым людям.

Последние капли из кружки он старательно выцедил в рот.

— Не шибко похож ты на смиренного, — усмехнулся мельник. — Паломники идут, когда

услышат о чуде. А ты, выходит, заранее знал, что ли?..

Горбоносый человек уже выбирался из-за стола, перекидывая ноги через скамью.

— Оказался в нужном месте в нужное время, — пожал он плечами. — Дальше в Шарп-Шутерскую обитель пойду — молиться, чтобы и туда Чудотворец пришел. Место там чистое, а значит, и чудо будет еще круче... Всем, кто хочет узреть — туда надо идти.

— А когда?.. Когда?.. — раздалась вслед возгласы.

Но горбоносый уже выскользнул за двери трактира.

— Вахлаку верить, как ссать против ветра, — пробормотал ему вслед злой бездельник. — Небылицами по ушам ездит...

— А думаешь, он того?.. Вахлак?.. — не поверил молодой.

— Я их нечистое племя нутром чую... Ты на деньгу его взгляни, если не веришь... — бездельник поднял со стола сияющую новизной монетку. — Ты где-нибудь видал такое ровное серебро? Будто за углом отчеканили. Сияет — ни пятнышка, ни вмятинки. Нечисто что-то с этой монеткой. Колдунам прислуживает, или того хуже — извергами засланный...

Злой пропойца брезгливо забрал со стола подозрительную монетку. И тоже вышел из трактира. Но сомнительного паломника уже след простыл. Доносчик оглянулся по сторонам, прикидывая — в какую сторону мог удалиться патруль благочестия. И поспешил вверх по улице — догонять серых.

Подозрительный горбонос уже торопливо приближался к обители, крепостная стена и башни которой высились на холме. Шагов за сто до главных ворот он пригнулся, как можно смиреннее, накинул капюшон глубже, и смешался с паломниками, вереница которых брела внутрь. Однако, не дойдя до входа, улучил момент, и свернул в ров, кольцом окружавший мощную крепостную стену — в это время года он не был заполнен водой. Незаметной тропкой, под прикрытием разросшихся ив, горбонос юркнул под мост, переброшенный через ров.

Сверху над его головой громко стучали колеса повозок, катящихся по мосту, и шаркало множество подошв. Ловкий пилигрим нащупал кольцо потайной двери в нише стены. Потянул дверь на себя, и бесшумно исчез за ней. Через минуту, каким-то неведомым лабиринтом, он уже выбрался внутри обители на галерею, опоясывающую стены от башни до башни. Уверенно ориентируясь, нашел дверь в нужную келью. И моментально захлопнул дверь за собой, как только увидел, что творится внутри.

У стены под узким окном кельи сцепились двое. Точнее, высокий длинноволосый мужчина гневно встряхивал за шкуру юного блондинчика. Казалось, даже щетина потемнела на его худых щеках от ярости. Все выглядело так, будто главарь вот-вот размозжит голову несчастному о каменную стену. Но, вместо смертельного удара, он отпустил парня, с трудом перевел дух, и коротко приказал.

— Повтори еще раз...

— Я все делал, как вы приказали. Говорю: за оплатой, Люгер послал. А святоша — давай юлить. Типа: «Подождите еще денек-два. Обитель в сложном финансовом положении из-за войны»... — блондинчик оправдывался без должного испуга, скорее недоуменно. — Тут я натурально взбесился, Люгер! Работа сделана? Чудо — первый сорт, все на колени попадали. Толпы паломников прут, чаши для пожертвований трещат от денег. Жрецы кое-как уносят, вдвоем берутся, прикинь?... А он врет без стыда, еще глаза к небу закатывает — типа на все высшая сила...

— И ты пригрозил?..

— Ни капли! Я так вежливо, культурно объяснил, что мы торопимся, и деньги нужны срочно. Ну, и намекнул, что если святейшество не подсуется — мы в Шарп-Шутерской обители такое чудо замутим, что все паломники отсюда туда помчатся... Тут он сразу рассыпался, как шелковый: все-все-все, немедленно отправляюсь в казну, пусть Люгер не сомневается, и ждет в келье — все деньги принесу лично, — с оттенком гордости отчитался блондинчик, удивляясь, чем такое успешное исполнение поручения взбесило его патрона.

— Ача, ты имел глупость шантажировать главного жреца обители, — устало простонал Люгер, и отвернулся. — А должен был всего-то рассказать: каким образом передать нам гонорар.

Свет из узкого окна кельи попал на лицо главара шарлатанов. Щетина на худых щеках добавляла аскетизма его облику. И неопределенности его возрасту. Люгеру могло быть немного за тридцать, а могло — и все сорок пять. Но его старили не морщины на лбу или дряблость кадыка. Некое особое знание сквозило печалью в его взгляде. Как будто это знание отняло главные сокровища молодости: надежды, мечты и иллюзии, — как только шарлатан стал его обладателем.

Мужчина сумел подавить в себе недавнее бешенство. И рассуждал о произошедшем, уже, как о случившемся факте — спокойно.

— Платить он не собирается, от того и согласился легко. Они нас отсюда не выпустят. А после того, как Ача раскрыл рот — поспешат. Думаю, за нами уже идут, и ключники на воротах предупреждены...

Люгер словно перечислял условия задачи, которую придется немедленно решать. Он рассуждал немного задумчиво, но это не была рассеянность паники, а наоборот — сосредоточенная работа незаурядного ума.

— Жрец нас не сдаст! Ему же хуже, — возразил Ача самонадеянно. — Если серые нас поволокут на костер, его потащат вместе с нами! За фальшивые чудеса — это же святотатство. Главный жрец замаран по самое не балуйся...

Голубые глаза и прямой нос позволяли назвать парня настоящим красавцем. А дерзкий взгляд и искривленные насмешкой пухлые губы, наверняка, гипнотически действовали на прекрасный пол. Но Люгера только взбесила самонадеянность подмастерья.

— С чего ты взял, что он отдаст нас серым?! Он нас посадит на цепь у себя в подземелье. Секреты чудес начнет выпытывать. Щипцами и голодом, — объясняя, Люгер уже собирался, энергично перемещаясь по келье. — Чтобы творить их в храме регулярно, но уже без нас. Хочешь до конца жизни испытывать гостеприимство жреца?.. Он устроит. Алчный прохвост оказался. Давно вы разговаривали?..

Ача виновато покачал головой. Люгер тем временем подцепил крючком деревянную половицу, под ней оказался спрятан деревянный ящичек. Прodelывая все это, он не переставал стыдить помощника за ошибку.

— Запомни: шарлатану нельзя злить заказчика. Никогда! У них сила и власть. Их спесивые обладатели не терпят дерзости. Особенно от ничтожеств, какими они считают нас. Для него заплатить мастеру — это милость, почти глупость, а не справедливость. А сделать с тобой он может все, что пожелает. У шарлатана против них только знания и терпение. И точно продуманный план бегства...

Не прерывая наставления, Люгер высыпал из ящичка на пол кучку странных предметов. Из оставшихся частей он начал громоздить над столом сложное и одновременно хрупкое сооружение, напоминающее не то пирамидку, не то елочку. Его руки заработали быстро и

точно.

— А на черный день, надо хранить шарлатанский «набор спасения». Запас необычных веществ, годных отпугивать суеверных фанатиков, — наставлял Люгер, рассовывая по карманам своего балахона плотные белые шарики, размером и цветом напоминающие куриное яйцо. — Иначе не выжить...

— Вижу ключника, с ним еще пара крепких жрецов. Поднимаются на галерею. С виду чинно-мирно, — предупредил горбоносый, подсматривающий в щелочку двери.

— Надо успеть, — пробормотал Люгер.

Нагнувшись, он вытянул из-под аскетичного топчана небольшой мешок из плотной черной ткани. Мешок встрепенулся. Точным движением, главарь шарлатанов сдернул ткань, и в его руках остался белый голубь. Успокаивая птицу аккуратными поглаживаниями, Люгер приподнялся на цыпочки, и отцепил от стены длинную нить, незаметно свисавшую из-под потолка кельи. Конец нити он быстро накрутил вокруг лапки птицы, и высадил ее в проем узкого окна-бойницы. Голубь принялся тут же клевать зернышки проса, заботливо подсыпанные тут же. Выверенные действия главаря шарлатанов не оставляли сомнений, что план на случай внезапного бегства им продуман заблаговременно, и до мельчайшей детали.

— Им осталось несколько ступеней, — предупредит горбоносый Узи.

— Валим отсюда! — скомандовал Люгер.

Еще раз быстро нагнувшись, шарлатан вытащил из-под топчана охапку длинных палок, завернутых в дерюгу.

— Хватай!

Блондинчик подхватил завернутые в дерюгу палки, и бросился за дверь. Сам Люгер аккуратно и бережно положил белый шарик на молитвенно сложенные руки святого, небольшое изваяние которого было прикреплено на стене. И тоже ринулся наружу из кельи, пропустив вперед Узи, но прежде, чем выскочить за порог, махнул рукой:

— Кыш отсюда!..

Голубь встрепенулся, и вылетел из окна прочь, длинная нить натянулась, и развязался небольшой узелок, которым на крюке под потолком был стянут закрученный в комок толстый канат. Длинная нить утянулась в окно вслед за улетающим голубем, а свернутый канат принялся разворачиваться все быстрее и быстрее, непрерывно удлиняясь. На конце каната была закреплена небольшая поперечина-деревяшка, и она раскрутилась с бешеной энергией пропеллера. С каждым оборотом приближаясь к небольшому изваянию святого, на руках которого покоился увесистый белый шарик. Предельно раскрутившись, деревяшка стукнула шарик, он выкатился из рук святого, точно в желобок, направивший шарик по дуге к хрупкому сооружению, которое за минуту до побега соорудил Люгер.

Тем временем, снаружи, убегающие шарлатаны бесшумно промелькнули вдоль дверей соседних келий, и завернули за угол — там галерея изгибалась дугой. Они успели за мгновение до того, как ключник и мускулистые жрецы начали стучать в дверь покинутой кельи.

— Как до ворот доберемся? — спросил шепотом блондинчик.

— А никак, — ответил Люгер. — Они нас ждут внизу, чтобы перехватить, а мы уйдем через верх.

Жрецы прислушивались у дверей кельи. Их смутил еле слышный шум внутри. Там шарик, увесистый, словно маленький камушек, катился вниз, по желобкам, выстроенным пирамидкой. Докатившись до конца одного желобка, шарик соскакивал на следующий, и

возвращался уже в обратную сторону, но тоже вниз. А верхний желобок, потеряв опору, отлетал и падал с легким шумом, который озадачивал жрецов, подслушивающих за дверью. Они не понимали — что происходит внутри.

Набрав всю возможную инерцию и скорость, шарик с размаха соскочил в глиняный кувшин с водой. Жидкость мгновенно забурлила, словно вскипая, из кувшина повалил черный пар с едким запахом. Раздался громкий хлопок, осколки взорвавшегося глиняного кувшина отлетели в стены кельи. А черная жидкость, в которую превратилась вода, растекалась по полу, шипя и пузырясь. Клубы черного пара повалили из-под двери кельи. Жрецы закашлялись, и заголосили.

— Пора! — шепнул Люгер. Он ринулся на верхнюю галерею, используя момент, когда внимание всей обители было приковано к черному дыму и суете жрецов этажом ниже.

На крепостной стене гулял ветер. Люгер на мгновение замешкался, почувствовав силу его порывов, но ничего не сказал подручным. Шарлатан решительно вытряхнул содержимое большого мешка — внутри оказалась веревочная лестница. Они зацепили крючья лестницы за каменные зубцы, и перебросили ее через стену. Ветер подхватил легкие веревочные ступени, и принялся трепать их, то сдувая от стены, то шлепая обратно о каменную кладку.

— Она уgomонится под нашей тяжестью, — пообещал Люгер. — Наш вес натянет лестницу, как грузило.

Узи полез первым, за ним — Ача. Но удача не может длиться вечно, и в следующий момент она покинула беглецов. Бдительный соглядатай во дворе заметил развевающийся балахон Люгера, когда тот перелезал через зубья крепостной стены, и завопил истошно, указывая пальцем вверх...

Схваченного Люгера оттащили от зубцов стены и развернули лицом к главному жрецу. Ликующий гомон преследователей замер. Все предвкушали зрелище жестоких мучений нелюдя, испоганившего колдовством святое место. Любопытство подталкивало задних тянуться на цыпочках. Они старались, хоть краем глаза, взглянуть на исчадие зла.

Главный жрец степенно приблизился к захваченному беглецу, и со значением взглянул тому прямо в глаза. Так хищник торжествует над добычей, наслаждаясь ужасом жертвы, судорожно бьющейся в когтях победителя.

Но в этот момент десяток серых патрульных, во главе со здоровенным командиром ввалились на галерею, растолкав сгрудившихся паломников.

— Я забираю этого колдуна для расследования в пламенном трибунале, именем верховного Иерарха! — выпалил командир серых, переводя дух.

Главный жрец смерил командира патруля надменным взглядом. Уже много лет никто не смел перечить главе обители в ее стенах. Он отвык от неповиновения.

— Злодей схвачен жрецами моей обители. Мы сами очистим мир от его злых чар, — возразил жрец снисходительным тоном.

— Любой колдун, ведьма или вурдалак должны быть доставлены в пламенный трибунал для дознания незамедлительно — я правила назубок учил, — возразил здоровяк.

— Деревенщина-первогодок вздумал меня закону учить? — грозно воскликнул главный жрец. И оглянулся по сторонам, словно ища защиты у сотни фанатичных паломников, обступавший его на галерее. Жрец уже понял, что туповатая упёртость новобранца может некстати сыграть злую шутку. Но еще не оценил — до какой степени.

— А это видел? — набычился командир серых, и поднес здоровенный кулак, прямо к

его лицу. — Перстень власти с печатью верховного иерарха. В обители у себя распоряжайся, а над колдунами — я главный.

Верховный жрец посерел от непривычного унижения на глазах толпы паломников. Он растерялся, и чтобы скрыть бессилие, забормотал, делая злобные пассы упитанными руками.

— Проклятие тебе и роду твоему до седьмого колена!.. Чтобы жена его рожала сыновей с козлиными копытами... Чума на его деревню...

Но вышло только хуже. Здоровенный командир серых скептически хмыкнул. Он еще не растерял крестьянское упрямство, а новая серая форма переполняла гордостью и рвением неопытного здоровяка.

— Не женатый я. Не пугай.

Он кивнул серым бойцам на схваченного Люгера.

— Пацаны, забирайте нелюдя!

Главный жрец больше не проклинал толстокожего командира серых. Он оценивал шансы в случае боя. Серых на галерее было гораздо меньше, чем жрецов и паломников. Но серые были вооружены, и обучены. Их командир не стесняясь вытащил клинок, а природной тупости следовать инструкции у него явно хватит. Тучный жрец осознал: в бою ограниченное пространство галереи лишит его подручных численного преимущества. И хуже всего, что ему самому некуда будет спрятаться от клинков патруля.

Но тут вдруг подал голос схваченный Люгер.

— Начальник, это правда, что в пламенном трибунале даже самые лютые злодеи все рассказывают?..

— Ты тоже расскажешь, когда яйца начнут крутить раскаленными щипцами, — угрюмо пообещал командир серых, и насторожился. Словоохотливость обреченного колдуна, выглядела странно.

— А если я честно расскажу о черных делах, которые творил в обители? — поинтересовался Люгер. — Если выдам главного сообщника, с которым имел здесь сношения, и вместе плел козни?... Может, обойдется без щипцов?

Командир серых недоумевал. Его учили, что из колдунов без каленого железа слова не вытянешь. А этот рвется сотрудничать, сдать подельников и раскрывать секреты. С чего бы вдруг?..

Зато главный жрец отлично понял угрозу в словах Люгера. Шарлатан хватался за единственный шанс на быструю смерть, здесь и сейчас.

Выбора у главного жреца не оставалось. Досада не затмила ему разум. Конечно, он рассчитывал извлечь больше пользы из шарлатана, посаженного на цепь, но важнее было обезопасить себя, а заодно поставить на место наглеца в сером, и восстановить авторитет в глазах толпы. Главный жрец дал едва заметный знак. И его подручные, до сих пор крепко державшие Люгера, швырнули лже-чудотворца вверх стены в бездну.

— Колдун расшибется всмятку, и не сможет вас одурачить по дороге в трибунал, — пояснил жрец командиру серых, сладчайше улыбаясь.

Обставленный здоровяк прильнул к стене, как и сотня других зрителей, и задержал дыхание, наблюдая за жуткими последними мгновениями колдуна. Тот падал, извиваясь на лету, дрыгая руками и ногами.

Люгеру удалось высвободить из-под плаща сложенные крылья. Но с одной стороны палки уже были сломаны. Расправилось лишь одно крыло. Уцепившегося за него человека начало крутить, как вертит кленовый листок, сорванный с дерева.

Бешено вращаясь, Люгер налетел боком на заросли ивняка надо рвом. Удар пришелся на переплетение веток. Крыло смялось с хрустом, лопнула перепонка, тело человека заскользило вниз, обмякшее после удара. Слышно было, как трещит, и рвется одежда, цепляясь за сучки. Тело соскользнуло по касательной на край рва, и кубарем скатилось вниз.

На стене раздались возгласы досады. Убился ли колдун — сверху не было видно.

— Я доложу о вашем подлом самоуправстве! — пообещал командир серых, и ринулся к лестнице, первым успеть на место падения колдуна.

— Не обосрись от натуги, деревня, — пробормотал главный жрец вслед здоровяку. Но тут же спохватился, не услышал ли кто непотребство, слетевшее с его уст? Поэтому он поспешил молитвенно сложить пальцы, унизанные перстнями, и воззвал к паломникам и жрецам.

— Вознесем же благодарность за победу над злыми силами! Помолимся, овцы мои!..

На дне рва, блондинчик и горбоносый, не теряя ни секунды, подхватили за руки и за ноги тело своего патрона. Перемазанные в глине сообщники торопились унести бесчувственного Люгера от башни и ворот как можно скорее.

— Бережнее неси, гад! — злобно шикал Ача на горбоносого. — Если Люгер разбился из-за твоей трусости — я сам на тебя серых натравлю!

— Если бы ты язык не распустил у жреца — ничего бы не было, — пропыхтел в ответ Узи. От натуги у малыша набухли жилы на лбу.

Тщедушный человечек пыхтел, вцепившись в ноги изо всех сил, хотя ноша явно превосходила его возможности. Виноватый Узи еле тащил, побелев от боли — он и сам изрядно ушибся при падении. И когда пришлось выбираться из рва наверх, горбоносый не выдержал.

— Стой! — взмолился он. — Так мы его далеко не унесем. Пошарь у Люгера в правом кармане. У него там всегда бутылёк с вонючим зельем. Открой, и поднеси к его ноздрям. Люгер так делает, чтобы очнулся человек, лишившийся чувств...

— А вдруг он уже не очнется?! — с надрывом взвыл Ача, лихорадочно обшаривая карманы чужого балахона.

Но зелье из пузырька сработало. Люгер дернулся, и открыл глаза. Ача, впечатленный силой зелья, поднес его к своему носу, фыркнул, и сморщился.

— Эта дрянь воняет так, что мертвый подскочит, — пробормотал блондинчик, с уважением плотно затыкая пузырек.

— Где ослы? — слабо поинтересовался Люгер у горбоносого. — Ты отвел их к броду?

Подмастерья уже подхватили с двух сторон под руки, и заторопились вперед. В это время года река, обычно заполнявшая водой ров, мелела настолько, что ее можно было перейти вброд. Беглецы торопились по россыпи гальки вдоль берега, разметаая брызги воды.

Узи вывел из потайного места трех навьюченных ослов. Животные были укрыты там незадолго до случившейся заварушки.

— Чудо не то, как мы оживляем мертвецов. Настоящее чудо, это суметь потом скрыться невредимыми и с деньгами, — попытался улыбнуться еще не вполне пришедший в себя Люгер. Голова у шарлатана явно кружилась.

— В этот раз — без денег, — грустно поправил Узи.

Помощники бросились подсаживать Люгера на одного из ослов.

— Возьми из моей сумки кошель, с монетами, — велел шарлатан. — Разбросай тут все,

пошире, чтобы блеск денег на солнце бросался в глаза.

Узи вытащил из сумки увесистый темный кошель, и открыл его. Серебро засверкало на солнце. Горбоносый замешкался.

— Так погоню задержим. Солдаты не пройдут мимо денег, бросятся собирать, искать... — объяснил Люгер, заметив нерешительность помощника.

— Это же серебро! — пожалел Узи.

— Сыпь тебе говорят! — отрывисто приказал Люгер. — Это не серебро. Медяки, которые я опускаю в специальный раствор, белеют, как серебро. Но это только сверху — если раскорябать денежку — внутри медь...

Горсти сверкающих монет со звоном разлетелись по гальке речного берега. А беглецы энергично ринулись в воду. Ача и Узи тянули упирающихся ослов за уздечки. И только Люгер сидел верхом, колотя пятками по ребрам упирающегося животного. Облако водяных брызг, да вопли понукаемых ослов неслись над рекой, пока беглецы не достигли другой стороны реки. Там они поторопились скрыться из виду, под прикрытием высокого берега.

Искушение «Проклятого» короля

Всю прыть, троица беглых колдунов постаралась выжать из ослов уже на большой дороге. Лже-чудотворцы сосредоточенно нахлестывали выносливых животных. И те шустро семенили короткими ножками, проклиная жестокую судьбу, предавшую их в руки торопливых хозяев.

За час боязливой гонки шарлатаны успели отмахать изрядное расстояние от неблагодарной Шомело-Дельвиньской обители. Стало казаться, что погоня отстала.

— Не туда едем! — спохватился блондинчик Ача. — Там нужный поворот в Шарп-Шутерскую обитель...

Блондинчик притормозил осла, и показывал рукой за поворот дороги, мимо которого они только что пронеслись не останавливаясь.

— Мы же договорились о следующем чуде с их главным жрецом? Нас там уже ждут, наверное?..

Люгер тоже притормозил.

— Чудо придется отменить. Слишком опасно. Поедем туда — нас перехватят серые или прислужники здешнего жреца. Ты ведь ему выболтал наши планы про Шарп-Шутер, — главарь шарлатанов вспомнил про беспечность подмастерья, и разозлился. — Про крупные дела придется забыть, начнем фокусы на базарах показывать. Будем тебя распиливать в ящике.

— Но мы же столько денег сейчас выбросили! — схватился за голову Ача. — Такие убытки...

— Если схватят — о костре мечтать начнешь — такие сначала пытки... — возмутился Узи, и напомнил правило: — Шарлатан ошибается один раз. Конечно, за фальшивое чудо, шарлатан заработает больше, чем крестьянин за всю жизнь. Зато по лезвию все время ходим. Может оно и к лучшему. Не залетай высоко, не придется падать, — назидательно заявил горбонос.

Блондинчика взбесила философия приятеля.

— Говоришь, будто тебя пытали!.. Сам трусишь, со стены прыгнуть забздел... — выпалил Ача. — Начнем на базарах работать — трубадуры или канатоходцы донесут в пламенный трибунал, чтобы конкурентов с рынка отжать... Фокусы колдовством обзовут, и попадем на тот же костер, но за гроши...

Ослы шарлатанов вхолостую переступали копытцами в пыли, неподалеку от перекрестка. Главарь шарлатанов все не решался выбрать одну из дорог.

Животные обрадовались передышке. Чего не скажешь о людях.

— Жаль, конечно. Война кругом, солидных заказчиков не осталось. Кроме Шарп-Шутерского настоятеля, других не знаю, — хмуро признался Люгер, которого задели аргументы Ачи.

— Вот и я говорю, Люгер! Там все готово. Последнее крупное чудо провернем и на дно заляжем, только уже с деньгами... — воспрянул Ача. — Всего на один вечер. Быстро чудо сотворим и сразу уедем, на ночь не останемся...

Сытный ужин за стенами обители и приличный запас денег на будущее, так манили подмастерье, что Ача уже забыл жестокий урок бегства из Шомело-Дельвиня.

— Ну, хотите я монетку кину? Орел или решка? — распалился Ача. — Орел, значит — едем. Я подбрасываю?.. Ну вот! Орел! Я же говорил.

Довольный блондинчик продемонстрировал монету.

— Нельзя туда ехать, — вздохнул Люгер. — Слишком много шума мы наделали в Шомело-Дельвине. Сейчас повсюду буллу разошлют: «в связи с участвовавшими происками нечисти, усилить меры по борьбе с ересью»... И начнут хватать всех без разбора. Раз булла спущена — пока не сожгут кого-нибудь, и не отчитаются — чудеса в обителях, считай, под запретом.

— Выходит, нам вообще некуда ехать? — с вызовом поинтересовался блондинчик.

— Некуда ехать — это когда на цепь посадили, — рассудил Узи. — А нас никто не держит. Поедем, куда глаза глядят. Радуйся, что повезло...

Люгер уже направил своего осла прочь от перекрестка на Шарп-Шутерскую обитель, не вступая в дискуссию своих помощников. Раздосадованный Ача потрусил догонять главаря шарлатанов. Своенравный блондинчик не сдавался. Одна мысль не давала ему покоя и вертелась на языке.

— Одного я не пойму, Люгер... Раз чудеса в обителях теперь под запретом, а мы умеем превращать медь в серебро, зачем вообще что-то изобретать? — нагнал главаря Ача. — Покупай медные монеты, превращай в серебро, и снова медные, а разница будет прибылью? Можно быстро разбогатеть...

— Но тогда мы станем фальшивомонетчиками, — возразил Люгер. — И когда-нибудь наши монеты расплавят, и зальют нам в глотку.

— А так мы — фальшивочудесники... — пожал плечами Ача. — Риск погибнуть даже больше. И не заплатить могут. Шикарное чудо в этой обители сотворили, и только денег лишились! А так были бы всегда при деньгах?..

— Видишь ли, Ача, — ответил Люгер после небольшой паузы. — Когда ученый, тайно продает фальшивые чудеса жрецам, алчущим славы и денег — это темная сторона нашего дела. Но есть и светлая: творя чудеса, мы дарим людям надежду, наш обман укрепляет их силы. А фальшивые деньги — злой обман, безо всякого оправдания. Мы не в силах противостоять злу в этом мире, так давай хотя бы, не будем плодить зло сами...

— Раз мы такие умные, чего же мы без гроша в кармане? — проворчал Ача.

Не получив ответа раздосадованный блондинчик собрался задать еще какой-нибудь дерзкий вопрос, но не успел.

— Конный отряд! — упавшим голосом сообщил Узи.

Горбоносый тревожно оглядывался чаще других. Он издали заметил облако пыли, приближающееся наперерез.

Резко осадив выдохшегося осла, Люгер присмотрелся внимательнее.

— Может не за нами?.. — губы Узи дрогнули. Маленький человечек едва сдерживал слезы — запасов его мужества не хватало, чтобы вынести новый удар судьбы.

Всадники приближались стремительно. Доспехи их засыпала пыль, ни знамен, ни оружия, никаких отличий было не различить.

— Надо было на Шарп-Шутер поворачивать! — воскликнул Ача. — И тут вляпались, только за бесплатно!

Ача лихорадочно оглядывался, выискивая, куда броситься от дороги в безнадежной попытке спастись.

— Поздно, — остановил Люгер. — От воинов на таких конях не скрыться.

Путники сгрудились вокруг ослов на обочине дороги. Их обдало запахом конского пота и песком из-под копыт. Всадники окружили беглецов. Разгоряченные кони храпели, недовольные остановкой.

— Эти?!.. — спросил рыцарь, на гарцующем вороном коне, в шлеме, с опущенным забралом.

— Не похоже... Те говорят, были сущие дьяволы, одно слово — нелюди! А эти какие-то доходяги... — откликнулся ближайший к нему всадник.

Узи инстинктивно прикинулся смиренным пилигримом. Его капюшон, нос и осанка продемонстрировали немислимое смирение. Для центурионов пламенного трибунала на всадниках была слишком яркая и дорогая одежда, и слишком породистые кони.

— Проверь поклажу на ослах, — властно распорядился рыцарь в шлеме.

Один из воинов спешил, выхватил клинок, и вспорол дорожный мешок, навьюченный на ближайшего ослика. Оттуда на дорогу посыпались припасы: сухари, крупа, запасные башмаки, связка летучих мышей, череп человеческий, козлий череп, волчьи челюсти, амулеты из змеиных голов, потроха саламандры засоленные в горшке... Воин отпрянул, и выругался.

— Нечисть!..

Он с трудом сдерживался, чтобы не прикончить беглецов немедленно, сунув клинок несколько раз в живую плоть, чтобы потом брезгливо вытереть с лезвия кровь колдунов, осквернившую сталь. Воин жаждал отличиться, он поднял глаза на рыцаря в черном шлеме, и ждал только кивка.

Рыцарь на вороном коне поднял забрало, и отцепил шлем. Стащил его с головы, и передал ближайшему спутнику. Страшное багровое родимое пятно занимало больше половины его лица. Оно тянулось со лба, уродливо захватывая нос и щеку, и заканчивалось под подбородком. Багровая кожа участками была пупырчатой, в этих местах пучками росла черная щетина, довершая отталкивающее впечатление.

— Проклятый король! — содрогнувшись, прошептал Ача.

Чтобы узнать молодого короля не требовалось видеть его раньше. Об уродстве нового монарха тайком судачила вся страна, но только самые заядливые сплетники решались напомнить слух о проклятии, сживающем со света династию Борхардов.

Взгляд короля скользнул по содержимому мешка, рассыпанному в пыли, по топчущимся ослам, по лицам замерших людей, и безошибочно остановился на Люгере. Это был взгляд из породы тех, что трудно выдержать.

— В святилище Кампо-Гиро ожило каменное изваяние бога, сошло с алтаря, благословило главного жреца, и вернулось на место... — заговорил король. — В Шомело-Дельвиньской обители: изгнание беса из умирающего. А до этого стая ворон обратилась в белых голубей, изумив паломников в Пара-Босино, — перечислял Борхард. — След чудес тянется за кем-то с запада на восток страны, измученной войной. Это как воздушных змеев запускать. Слишком яркий след, для того, кто умеет замечать... Вот, только я не верю в чудеса...

Король усмехнулся, кивнув на жалкое смятение шарлатанов, сгрудившихся на обочине дороги. Его придворные громко расхохотались, чутко отреагировав на иронию монарха.

— Я спрошу всего один раз. Эти чудеса — твоих рук дело?.. — король наклонился к Люгеру багровой половиной лица.

— Чудеса не подвластны человеку, — ответил Люгер. — Только высшая сила совершает

непостижимое для смертных...

— Брось!.. — Перебил король. — Морочить мне голову даже не думай!

Он нетерпеливо вздернул подбородок, не желая слушать дальше. Жуткое родимое пятно мешало сразу понять, насколько молод всадник.

— В стране война. Изверги наступают. Плести чушь про высшие силы ты будешь жрецам, которых разводишь на деньги. Отнимать время у короля пустословием — самое подлое из оскорблений. Твоих слуг сейчас привяжут к лошадям, и протащат по этой каменистой дороге. Обрато они вернутся кровоточащим мясом, которое будет проклинать тебя за упрямство...

Рука монарха стиснула плеть. Узи спрятался за Ачу, который оцепенел от ужаса.

— Мы не способны творить чудеса, — попытался объяснить Люгер. — Просто изучаем законы природы, и используем силу некоторых из них. Когда страх не парализует нашу фантазию.

Король смахнул со лба прядь кудрявых волос, прилипшую от пота.

— А я чудес и не жду! — хохотнул король, подмигивая ухмыляющимся рыцарям. Он мгновенно переходил от гнева к опасному веселью. Все-таки он был еще очень молод — этот обезображенный монарх. — Твой страх мне ни к чему. Мне просто нужен матерый шарлатан. Хочу заказать то, что ты делаешь лучше всех в этой стране, которой я правлю... Отъедем.

Король направил коня с дороги в поле, не заботясь тем, что топчет чей-то хлеб. Беглый лже-чудотворец пихнул осла пятками в бока, и тот засеменял вдогонку за королевским скакуном. Отъехав не далеко, они остановились, и завязалась некая беседа.

— Не зря я распускал слухи о чудесах! — сбивчивым шепотом похвастался Узи. — Теперь наш Люгер — знаменитость!

Смесь гордости и недавнего ужаса потряхивала Узи. Блондинчик Ача тоже еще не перевел дух. На висках у него выступила испарина. Они балансировали на волоске от жестокой расправы.

— Колдун № 1 в стране! — не унимался Узи. У него зуб на зуб не попадал, и остановить болтовню горбоносый был не в силах. — От такого король захочет чуда невиданного, грандиозного. Это не мертвяков на базаре оживлять за гроши. Король может заплатить столько, что на всю жизнь хватит, больше не надо будет чудить... Люгер честно говорит, что такое чудо может не получиться...

— Да какая разница! Соглашайся и все! — возмутился Ача. — И чего он начал выкобениваться? Не получится — потом казнят, а не согласишься — сейчас... Хочешь знать, почему короля называют Проклятым?..

— Молчи, дурак! — чуть не подпрыгнул горбоносый.

Король и лже-чудотворец уже направлялись обратно, после короткой беседы.

— Гаваж, дай мне свою шляпу. Надоела железяка, в ней жарко, — протянул король руку начальнику охраны, державшему его шлем. Лоб этого воина пересекал кривой шрам, плохо сросшаяся клочковатая бровь нависала на один глаз. Отметина боевого прошлого лишала и без того грубое лицо начальника охраны аристократического благородства.

— Этих сопроводить в белый город Прапор! — молодой Борхард кивнул на Люгера, и его помощников. — Туда на большой капитул я созываю верных баронов. Туда сейчас направляется Верховный Иерарх, и его серая армия. В Прапоре сойдутся на совет князя всех земель, еще не захваченных извергами. В белом городе подыщите любой неприметный дом. Хозяев — долой. Этих запереть, и глаз с них не спускать! Чтобы ни с кем, ни единым словом

не обмолвились...

Благородные рыцари замерли, обескураженные унижительным приказом. Но король только недобро усмехнулся, смерив их взглядом, и не собираясь щадить ничьих чувств.

— Если кто-то из этих, м-м... странников... не доедет живым — лучше будет вам тоже живыми не возвращаться, — предупредил Борхард, и его родимое пятно побагровело сильнее. — Охранять бережно! Нападут изверги — защищать. Всем ясно?!

Желающих перечить королю не нашлось. И он умчался вперед, в сопровождении четверки приближенных рыцарей.

Оставшиеся благородные всадники медлили трогаться в путь. Ведь им предстояло сопровождать теперь уже не короля, а подозрительных «странников» с гнусным содержимым их походных мешков. Рыцари замялись, выжидая, чтобы кто-то другой, первым шагнул вперед, смиряясь с исполнением постыдного приказа.

Неловкую паузу нарушил вопль Узи. Горбоносый малыш словно взбесился.

— Не поеду! Только не в Прапор! А-ха-ха! Здесь убейте, прямо тут!..

Узи повалился в пыль на дороге, вцепился руками в задние копытца осла, не прекращая орать. С каждым новым воплем его истерика нарастала, слезы брызнули из глаз. Осел в недоумении брыкнул левой ногой, но только отправил кучку пыли прямо в лицо горбоносому. Пыль угодила тому в раззявленный рот, в глаза. Узи замотал головой, отплевываясь.

Но заголосил Ача. Блондинчик перехватил эстафету паники, мечась в кругу недружелюбных всадников.

— Люгер! Сделайте что-нибудь! Прапор — город мракобесов. Мы никогда не приближались к нему... Нам нельзя туда! Там же Босой!.. Лучше сразу умереть здесь!..

— Там Бошой, тьфу!.. Бошой!.. Режь, тьфу... Здесь, у-у-у!.. — Отплевывался Узи, не прекращая реветь что-то нечленораздельное.

Люгер склонился над Узи, подсовывая ему под нос пузырек с мерзко пахнущим зельем, которое приводило в чувство едва ли не мертвеца. Узи фыркал, и мотал головой, отворачиваясь от пузырька. Капюшон его съехал на сторону.

— Прекрати истерику! Они нас ненавидят, и точно заколют, если вывести их из терпения, — бормотал Люгер, оборачиваясь на воинов, обступивших их со всех сторон. Взгляды и жесты солдат не сулили ничего хорошего.

Но придворных, гарцевавших на конях, ободрил, и развеселил жалкий страх колдунов. Конвоирование перетрусивших колдунов теперь выглядело уже делом не столько унижительным, сколько забавным.

— Тот самый, Босой? Фанатик, непримиримый к любой ереси? — нарочито громко поинтересовался суровый начальник охраны, у которого король забрал шляпу. — Праведник-изувер, изгнанный из пламенного трибунала за бесчеловечную жестокость?

— Он самый!.. Видал, как всполошились?.. Палачи не выдерживали зрелища того, что этот Босой вытворял с колдунами и ведьмами! А уж если ему попадался молоденький инкуб или суккуб, тогда у-у-у, — со знанием дела ухмыльнулся соседний всадник из благородных. — Смотри, как эти извиваются! Почуяли беду. Говорят, Босой науськивает банды малолеток расправляться в Прапоре с нечистью?

Ближайший воин свирепо вздернул Узи за капюшон. И швырнул поперек ослиного седла. Узи охнул, и начал чихать, болтаясь вниз головой. Осел двинулся вперед, не обращая внимания на стоны поклажи.

Люгер быстро поднялся. Тщательно подобрал с дороги и уложил в мешок все пакости, которые из него высыпались.

— Ты чего уставился, сглазить хочешь? — зло бросил ему вельможа, смаковавший «подвиги» знаменитого мракобеса, и замахнулся плетью.

Люгер втянул голову в плечи. Но рука с плетью замерла в воздухе. Придворный не рискнул хлестнуть его плетью. То ли вспомнив недавнюю благосклонность короля к этому высокому мрачноватому типу, то ли решив от греха подальше не испытывать темные силы колдуна. Того все равно ждала скоро ужасная смерть.

В белом городе мракобесов своих колдунов замучили уже давно, и таскали на костер чужих из дальних окрестностей. Стоит заехать вглубь Прапора на пару кварталов и даже покровительство короля не спасет этого гордого нечистивца от такой смерти, на какую приличные люди не могут смотреть без тошноты.

— Лучше помолись своему рогатому хозяину, — недобро усмехнувшись, напутствовал благородный рыцарь.

Люгер взобрался на осла, помог сделать то же Аче, и дальше шарлатаны двинулись уже в сопровождении и под недружелюбным приглядом вооруженного отряда.

— Ну почему нас преследует проклятие! — отхаркивая пыль, стонал Узи, продолжая болтаться поперек седла. — Только не в Прапор. Только не в это белое капище мракобесов!..

Еще пару раз булькнув, горбоносый, словно вняв недоброму совету, начал истово молиться на непонятном языке, с плачущими интонациями.

История, как белый город — бывшая столица искусств, превратился в оплот мракобесия, была не нова. Погружение во тьму началось с проповедей босого жреца, обличавшего безнравственность, похоть и алчность горожан, жаждущих развлечений и разврата. Бескорыстие босого жреца, пришлось по нраву беднякам. Молодежь, имевшая только злость, кулаки и время для безделья, сплотилась вокруг Босого. Банды малолеток по его указке наводили в городе порядки мотыгами. Используя мирный крестьянский инструмент не для вспахивания земли, а забивая ими грешников.

С тех пор Прапор жил в ужасе. Жители доносят друг на друга, страшась, как бы малолетние приспешники Босого не намалевали на их воротах знак греха. Перепуганные художники сами швыряли в костер сладострастные картины, которые еще недавно рисовали в дома богачей. Сочинители-вольнодумцы каются, и целуют прах под ногами Босого, пока их книги горят на площади. Карается все, что может вызвать подозрение в нечистых помыслах... Уже не мэр или наместник решают, кому жить, а кому умереть в белом городе. А страх и праведник Босой. И его малолетки, которых прозвали «пахарями благочестия».

По мере движения небольшого конвоя, сначала перестали быть слышны разговоры, затем осела пыль, взбитая копытами животных. И скоро тайную встречу на дороге выдавали только следы маленьких копыт ослов шарлатанов и четкие отпечатки стальных подков благородных коней.

Помещение, куда втолкнули Люгера, походило одновременно на караулку для оруженосцев, или на закуток для писцов. В углу небольшой комнаты были свалены кучей элементы доспехов и щитов, железные налокотники и наколенники. Стояли закрытые на ключ сундуки. На столе лежало несколько книг, старинных и весьма дорогих, какие-то свитки, чернила и перья.

Запертая дверь комнаты выходила на галерею, опоясывавшую большой зал ратуши вторым этажом. Внизу, в зале, шло заседание капитула. Вдоль стен горели факелы. Молодой король сидел во главе стола. Багровая половина лица всегда делала его мрачным, но сейчас гнев короля откровенно бросался в глаза. Это все, что успел разглядеть Люгер за несколько секунд, пока его вели по галерее.

Попасть внутрь главного здания города мракобесов, в разгар королевского капитула, было невероятно для бродячего шарлатана. Любопытство на миг пересилило страх, терзавший Люгера с первого шага по белым улицам Прапора. Конвой обозленных рыцарей не давал ощущения защиты. Подмастерья теснее жались к главарю, страшась жестокой смерти, мерещившейся за каждым углом. Но худшее ждало за воротами дома, отобранного у хозяев по приказу короля. Там шарлатанов разлучили. Люгеру приказали быстро отряхнуть дорожную пыль с плеч и рукавов балахона, и увели в ратушу, где шел капитул. Ача и Узи умоляли не бросать их, пытались хватать Люгера за руки, но ничтожных колдунов грубо оттолкнули под ноги уставших ослов. Подмастерья не спускали с удаляющегося Люгера глаз, полных немого отчаяния.

В ратуше, запертый один в комнате, Люгер первым делом осмотрел засовы узких окон, щеколды сундуков, балки потолка — сбежать или спрятаться не было ни единого шанса. К тому же его подмывало изучить диковинные предметы, которых тут оказалось в избытке. Вдоль стены выстроились ступы с пестиками, и стеклянные сосуды, в одном из которых свернулась кольцами мертвая змея, залитая прозрачной густой жидкостью. Куча свернутых в трубки пергаментов была навалена на столе.

Шарлатан вытянул из кучи самый длинный и замызганный свиток. Развернул его, и замер пораженный. Люгер даже перестал прислушиваться к отголоскам властных речей, доносившимся из зала. Это была карта мира извергов. Трофейная, или выкупленная секретными агентами через третьи страны. Пергамент был испещрен удивительными символами, диаграммами, и надписями на немыслимом языке. Странные знаки, извилистые линии и схематичные рисунки выглядели зловеще. Некоторые изображали диковинных существ, внешность которых не предвещала ничего хорошего.

Выходит, не в караулке, и не в комнате для писцов заперли Люгера: тесное помещение было походным кабинетом самого короля. Сгорая от любопытства, шарлатан склонился над свитком, забыл про все вокруг, не прекращая водить пальцем по странным знакам. Металлический скрежет ключа в замке вынудил Люгера отпрянуть. Дверь распахнулась. Шарлатан торопливо сунул пергамент обратно в кучу. В комнату шагнул «проклятый» король Борхард. От бешенства у него дергалась багровая половина лица.

— Иди сюда, колдун! Ну, что? Ты придумал чудо?! — спросил король тоном, не предвещавшим ничего хорошего. Монарха распирало негодование: — Рабские душонки!

Сборище торгашей, а не властителей. Встряхнуть их может только знак небес... Ждать некогда. Чудо нужно срочно. Грандиозное, оно должно поразить всех!

Вечернее заседание капитула прошло безрезультатно. Главы самых могущественных кланов страны выжидали, благословит ли верховный Иерарх священную войну против извергов, и, что еще важнее — двинет ли на врага свою армию серых блюстителей веры. И как насчет денег?.. Тут снова все упиралось в решение Иерарха. Казна многочисленных обитателей, находившихся под его десницей, многократно богаче королевской казны — это ни для кого не секрет. Армия молодого короля была малочисленной, потрепанной в боях и отступала, кое-кто даже осмеливался шепотом называть ее «потешной». Иерарх благосклонно выслушивал всех, кивал, но до перерыва так и не произнес ни слова.

— Властитель, — склонился Люгер перед королем. — Грандиозное чудо требует небывалой идеи и особого места, чтобы совпали несколько условий...

— Ну, так ищи место!.. — перебил король. — Не смей подвести меня! Надо чем-то напугать эту погрязшую в роскоши жабу — Верховного Иерарха. Люди должны увидеть, как высшая сила грандиозным чудом благословляет священную войну и без Иерарха. Мне нужна его армия! Его серые отряды. Они пойдут — другие присоединятся.

— Иерарх боится не чуда... Он боится босого жреца, — еле слышно пробормотал Люгер.

— Что-о?! — не расслышал король.

— Чудо вдохновит темный простой народ, — торопливо объяснял Люгер. — Но не образованного Иерарха — он не верит в чудеса. Вот если фанатик Босой призовет толпы бедняков на войну, Иерарху придется тоже это сделать. Чтобы после вашей победы Босой не вернулся с поля боя новым иерархом...

— Босой?.. Этот изувер, предводитель армии детей-убийц? Он же вроде на цепи в клетке, ждет суда и костра?

— Как в клетке?.. — поразился Люгер.

— Вчера, первое, что сделали в городе серые войска Верховного Иерарха — посадили этого юродивого в клетку за ересь. Банды его малолеток разбежались, город вздохнул свободно...

— Что же я наговорил, язык вырвать мне мало, — пробормотал Люгер.

К счастью, король не обратил внимания на его неосторожную реплику.

— Ай да колдун! Дьявольский совет ты даешь! Выпустить из тьмы зло, и натравить на другое зло! — ухмыльнулся Борхард. Мгновенно ухватив крамольную идею, молодой король энергично заходил по комнате, захваченный новым планом.

Воспользовавшись моментом, Люгер еще раз подпихнул карту мира извергов глубже в кучу свитков, словно не прикасался к ней. Но его движение не укрылось от глаз короля.

— Хочешь перестать влачить жалкую участь колдуна? — внезапно спросил король. — Ты же ученый. Хоть раз в жизни тебя называли ученым?.. Только представь: всю жизнь уголять любопытство, не трясясь от страха, что любой кретин потащит тебя на костер?.. Не прятаться, работать честно. Давать имена своим открытиям...

— Это несбыточная мечта любого... — пробормотал Люгер.

— Почему несбыточная? — перебил король. — Станешь моим секретным ученым — у тебя будет все. Только сотвори это чудо, мать его! — кипучая энергия короля даже грязные ругательства заставляла звучать бодро и энергично. — Докажи, чего стоишь! Я сам мыслю свободно, и ценю чужой ум... Помоги королю начать священную войну, работай на победу, и

твоя жизнь изменится! Только при королях ученые становятся почтенными и знаменитыми.

Каждое слово короля пронзало мозг Люгера, как молния. Но договорить Борхард не успел.

Комнаты и помещения по правой стороне галереи были предназначены для свиты короля. На противоположной стороне — для сопровождавших Иерарха духовных особ. И как раз Иерарх, в парадном облачении, прошествовал по своей стороне галереи с несколькими приближенными. Король демонстративно отвернулся. А шарлатан прижался к стене, чтобы не попасть в поле зрения свиты главного духовного лица страны. Люгер отшатнулся, заметив среди приближенных Иерарха тучного главного жреца Шомело-Дельвинской обители, откуда недавно едва удалось спастись.

К счастью, проем двери загородил собой начальник охраны короля. Грубый воин, не привычный к дипломатии, был заметно не в своей тарелке на сборище аристократии. Но старался не выдать своей неловкости, и не нарушить здешних правил, которые представлял довольно смутно. Впрочем, как бы не усердствовал Гаваж, ненависть к нему вельмож была неистребима за то, что король поставил на высокую должность главного телохранителя неотесанного быка.

— Повелитель! Пора начинать пир... Традиции капитула. Народ на площади ждет угощения. Вельможи тоже проголодались, и желают сесть за стол, — предупредил «благородный Гаваж», как ядовито величали его придворные..

Король гневно сдвинул брови.

— Так решение же еще не принято, и не объявлено?

Начальник охраны пожал плечами, давая понять, что он ни при чем. Традиции проведения капитула были выверены, строги, и неизменны. Его решение оглашалась вечером, на площади, и сопровождалось пиром. А глашатаи мчались по ночным дорогам, доставляя в разные концы страны решение капитула — нередко оно меняло ход истории. В этот раз до развязки было еще далеко, но столы на площади накрыли заранее, как положено.

— Проклятые традиции. В их рабстве сам король! — возмутился Борхард. — Придется жрать, отложив решение, от которого зависит будущее страны!.. А ты, колдун, держись рядом. Поешь, но не мозоль глаза кому не следует. Ты еще не мой секретный ученый, но станешь им, как только сотворишь грандиозное чудо, — велел он Люгеру. — А ты, — король махнул начальнику охраны: — Кое-что сделаешь для меня. Немедленно, и по-тихому.

Свое распоряжение монарх прошептал рыцарю на ухо, чтобы его не услышал никто вокруг.

Обескураженный Люгер последовал за королем, как привидение. Казалось, будто он ослышался. «Секретный ученый короля», — эти невероятные слова повторялись в голове шарлатана эхом блаженства. Они парализовали мозг. Король хотел, чтобы Люгер думал над чудом, а тот едва не спотыкался, снова и снова повторяя мысленно слова короля. Безумие рассчитывать, что гонимому шарлатану кто-то предложит место почтенного ученого. Работать в открытую, изменить жизнь? Это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но ведь король сказал именно это? Все, что творилось после встречи с Борхардом «Проклятым» было слишком невероятно, даже для непредсказуемой профессии лже-чудотворца.

Толпа желающих отведать королевской трапезы не смогла целиком втиснуться на площадь. Из-за войны пища на столах для простолюдинов оказалась беднее обычного, но хлеба и дешевого вина было вдоволь. После давки и потасовки к столам прорвались самые крепкие, остальные глотали слюну, отжатые в улочки, с боков площади, оттуда выглядывая из-за плеч и алебард, преграждавших лишним вход на общественный пир.

Одетые в алую парчу кардиналы, в синий бархат бароны, спесивые отпрыски благородных кланов восседали за столом на открытой галерее первого этажа ратуши. Галерея подковой опоясывала площадь. Стол знати приподымался над мостовой на десяток ступеней. Место короля находилось в самом верху подковы, на этом возвышении лицезреть властителя снизу могли все собравшиеся. Но лицо короля, сидящего на галерее, оставался в тени, маскируя тем самым пятно, уродующее лицо Борхарда.

— Впервые за триста лет капитул не принял решения, а мы — уже пируем. Как же традиции, Святейший? — фамильярно поинтересовался король у сидевшего по правую руку Верховного Иерарха. — Что народу объявим?..

— Высшая сила подскажет мудрое решение, когда придет время! — кротко пообещал Иерарх.

— Некогда ждать! Так что, пока высшая сила не подсказала — я сам кое-что решил, — хмыкнул король многозначительно. Объяснение злой иронии монарха не пришлось долго ждать.

В узкой улочке, ведущей от тюрьмы, заколыхалась толпа горожан, жаждавших протиснуться на площадь. Послышались крики. Плотнo сгрудившиеся люди вдруг начали толкаться, стараясь хоть как-то расступиться. На стенах домов заплясали пятна света.

Впереди два воина с факелами грубо расталкивали народ, освобождая путь шести стражникам, не без труда удерживавшим на весу сооружение, выполнявшее почти те же функции, что и носилки для знати. Но вместо занавесок из парчи, здесь были ржавые металлические прутья решетки. Стражники несли клетку с человеком. И внутри сидел не вельможа, а оборванец, похожий на юродивого.

Но перед этим оборванцем в клетке, кое-кто из толпы норовил упасть на колени. Стражникам, приходилось отгонять тех горожан, кто бросался целовать руки фанатика, вцепившиеся в прутья решетки. Если кому-то удавалось прорваться, оборванец благословлял поцеловавшего величественным движением.

— Босого несут... Босой! — раздались возгласы. Пировавшие за столами вскакивали, чтобы взглянуть на обреченного святого ересиарха, изнывая от любопытства.

Клетку взгромоздили в центре площади на помост, служивший эшафотом, когда проводились казни. Сидящие за ближайшими столами горожане перестали жевать. Они отводили глаза в сторону, опасаясь встретить неистовый взгляд фанатика, рассматривавшего окружающих так гордо, словно он был здесь верховным судьей, а не смутьяном, вынесенным в позорной клетке.

Верховный Иерарх занервничал, степенная уверенность слетела с его лица. Иерарх беспокойно зашептал, наклонившись к самому уху короля.

— К чему здесь этот полоумный ересиарх?...

— Давай помилуем его в честь праздника? — предложил король. — Настроение у меня прекрасное... Самое время творить добро, — недобро усмехнулся король, багровой половиной лица, обращенной у Иерарху.

— Невозможно это сделать, Властитель! — возмутился Иерарх. — Нельзя оставлять в живых безумца, подрывающего власть, когда идет война, а земля — наша мать — стонет под игом извергов! Надо казнить Босого в тюрьме без лишнего шума и дело с концом...

— Он, правда, честный? Верит в то, что болтает? — небрежно поинтересовался король, разглядывая Босого в клетке.

Фанатик не отличался красотой или статью. Лет сорока, остроносый с мелким подбородком, с залысинами. Кутался в дерюгу, из-под которой торчала босая нога. Он не стеснялся черной от грязи, ороговевшей ступни. А сидел в клетке, выпрямив спину, гордо отрешившись от происходящего вокруг.

— Что ж ты, Святейший, на капитуле отмалчивался? — упрекнул Иерарха король. — Когда земля стонет под игом извергов?.. Твоя армия — десять тысяч жлобов в сером. С жиру бесятся, по кабакам хватают болтливых пьяниц. Ждешь, когда король в одиночку пойдет на извергов? И если повезет — король там сгинет, а ты здесь один останешься править? Ловко... Тогда лучше мне этого психа из клетки выпустить, и с собой на извергов позвать. Из такого потом выйдет отличный новый Иерарх...

Будто услышав слова короля, и подтверждая его мысль, Босой вскочил в клетке, и неожиданно зычным голосом провозгласил, перекрывая гомон толпы на площади:

— Содрогнемся же братья!.. Жители города, погрязшего в разврате, пороках и бесстыдстве! Художники малюют голых дев, а ремесленники напялили кружева! Кайтесь, пока не поздно! Ибо кругом война, и земля — наша мать — стонет под игом извергов!..

Король прыснул незаметным смешком, прикрывая ладонью рот.

— Сообразительный псих! Мигом собрался в поход... Так ты дашь армию Святейшество?.. А то ведь я его выпущу, — поинтересовался король, окуная куриную ножку в соус, и смачно впившись зубами в сочное мясо. — Соглашайся лучше по-хорошему...

Король принялся смачно жевать, всем своим видом показывая, как ему вкусно. Много лет никто не смел разговаривать с Иерархом настолько презрительно. Лицо духовного лидера страны побледнело от бешенства.

— Без моего благословения, никто не назовет твой поход справедливым, и бароны не пошлют свои армии... А благословения моего, ты не добьешься никогда!.. — сквозь зубы прошипел Иерарх.

— А оно мне надо?.. Высшая сила и без тебя, напрямую благословит мой поход. Невиданное чудо сотворит на пути моей армии, — пожал плечами король. — До конца пира еще не поздно объявить решение капитула. Присоединяйся. Будто ты в последний момент передумал, ради соблюдения традиции? А не согласишься — мне больше пользы от этого придурка. За ним чернь малолетняя побежит, целая армия...

Молодой король поднялся, бросив на стол салфетку, которой вытер руки. Уверенной походкой, под сотнями взглядов, Борхард приблизился к клетке с фанатиком.

— Открой! — кивнул он стражнику, небрежно ковыряя в зубах.

Стражник отодвинул засов, и распахнул дверцу клетки.

— Ну, что, Босой?! — не громко, но очень четко спросил король. Его слова расслышал даже самый пьяный участник пира. — Так и будешь языком молоть, сидя в клетке? Или пойдешь за своим королем в поход на извергов? Я могу простить твои злодеяния...

Босой в клетке демонстративно повернулся спиной к королю.

— Прощать или судить меня, земным владыкам не дано, — заявил он. — Меня судит высшая сила, и ведет меня ее непостижимый промысел...

Тут уже Верховный Иерарх не выдержал. Он вскочил со своего места, и провозгласил:

— Отпустить преступника веры не вправе даже король! Место ересиарха в пламенном трибунале. Судить его злодеяния будет духовный пастырь страны!

Босой метнулся к решетке, и высунув руку сквозь прутья, указал пальцем на Иерарха. Глаза его свирепо вылупились.

— Это ты, что ли пастырь?!.. — Босой дико расхохотался. — У тебя на пирах шестьдесят перемен блюд! Душа твоя смердит! Смерд ее чуют изверги, наступая на город!..

Голос Босого приобретал все большую мощь и глубину.

— Уймите, кто-нибудь этого сумасшедшего! — воскликнул Иерарх. — Я не собираюсь терпеть мерзости еретика, которым овладели силы ада!

Но Босой только сильнее входил в раж. Он вцепился в прутья решетки с такой силой, что побелели костяшки пальцев. И продолжал выкрикивать яростные проклятия. В углах рта выступила пена. Брызги слюны вылетали из перекошенного рта при каждом новом обличении.

— Проклинаю тебя, лже-Иерарх! Твой смерд зовет, и манит врагов, убивающих наших женщин и детей!..

Иерарх не выдержал. Он простер руки, и распевно провозгласил.

— Ересиарх и лже-пророк!.. Это я проклинаю тебя, суккуб, инкуб, подлец!

Голос Верховного Иерарха славился, он был мощный и раскатистый. Но Иерарх распевал проповеди в храмах, перед замершими в благоговении жрецами и паломниками. Ему не доводилось орать на площади, стоя перед хмельной толпой. Гнев сыграл с Иерархом злую шутку. Голос его нервно дрогнул, и сбился на фальшивую ноту. Он осекся, и дальше над площадью неслись только вопли оголтелого фанатика.

— Проклинаю тебя, лже-пастырь, готовящий на бойню своих овец!.. Ты блудишь на ложе порока с молодыми жрецами. Изжога терзает твое брюхо, набитое роскошными яствами, которые ты пихаешь в свой ненасытный рот!

Никто и никогда еще так не унижал Иерарха. В дуэли проклятий верховный жрец страны безнадежно проиграл бесноватому праведнику. Непривычный к поношениям Иерарх потерял голову. Иначе заметил бы короткий жест, который тайком отдал король своему фавориту — менестрелю. И то, как резво молодой кавалер вскочил из-за праздничного стола.

Иерарх в бешенстве развернулся к королю, и уже разинул рот, готовый проклясть и монарха, и предстоящий ему поход. Но тут по знаку менестреля трое горнистов, задрав трубы в небо, изрыгнули сигнал такой громкости, что горожане вокруг присели, зажав уши, лишь бы не оглохнуть. Обменявшиеся проклятиями духовные лидеры онемели от неожиданной дерзости.

Как только эхо трубного сигнала раскатилось по всем улочкам и переулкам, первым завопил менестрель.

— Почтеннейшие горожане! Представление про любовь!!!.. Хотите увидеть, как народ, спасенный из-под гнета извергов, бросится в объятия нашему королю?..

Хмельные горожане загомонили, в ожидании потехи. Онемевший от гнева Верховный Иерарх так и остался стоять, вытянув руки, в замешательстве от того, что его никто не слушает.

Менестрель кривлялся, вскочив прямо на один из длинных пиршественных столов.

— Не слышу! — приставил ладонь к уху менестрель. — Вы что не ели на королевском пиру?!.. Хотите представления?!..

Простолюдины, сидевшие за столом, подхватили от греха тарелки, но не возмутились, а наоборот, хохотали и забавлялись...

— Да! Хотим!.. — раздались крики с разных концов площади.

Стражники с факелами выстроились вдоль длинного стола. А за их спинами несколько музыкантов ударили по струнам мелодичных инструментов.

— Вот наша родина, стонущая под игом извергов! — указал менестрель, и толпа охнула.

На противоположный конец стола вскочила красотка-танцовщица из числа бродячих музыкантов, примчавшихся в белый город со всей обнищавшей страны, едва разнеслась весть о большом капитуле. Прапор кишел циркачами, артистами, трубадурами всех мастей. Они не желали упустить редкое сборище знати в одном месте, и торопились заработать. Хорошенькие артистки крутили сальто, и голосили романтические баллады на каждом углу. За день на горожан обрушилась годичная порция зрелищ.

Но возмутительная красота этой девушки, приковывала к себе внимание даже самого пресыщенного зрителя. Небрежная копна черных кудрей, симпатичные полные губы насмешливо искривленного рта, смуглая кожа, выдававшая долгое пребывание на солнце и неприлично крепкие мускулы ее обнаженных плеч, были далеки от идеала утонченной женской красоты. Но дерзость взгляда, уверенность осанки, и неистовая энергия юности щедро компенсировали любые изъяны неправильной внешности.

Дерзкая танцовщица притопнула ножкой, и выбила громкую чечетку на пиршественном столе торжественного капитула. Нисколько не смущаясь, словно подобные выходки были для нее обычным делом.

Толпа на площади взвыла. Половина собравшихся захохотали от восторга, другие начали плевать. Чванливые вельможи за столом для особо важных персон продолжали сдержанно беседовать, тайком поглядывая: чем кончится вызывающее состязание бесстыдства и кощунства?

— Это тот самый шут, которому молодой Борхард спускает любые дерзости? Разве менестрелю место в свите короля? — вполголоса поинтересовался у соседей вельможа, кивнув на взобравшегося на стол юношу, с явным оттенком брезгливости. — Поговаривают, он развлекает властителя искусным пуканием?

— Не забудьте еще про подпрыгивание и художественный свист, — съязвил безо всякой почтительности соседний вельможа, не снимая с губ сладчайшей улыбки. — Наш властитель

хохочет от души. Говорят, пожаловал ему недавно рыцарское звание. Теперь у нас шут из благородных...

Фанатик Босой ошарашено замер в своей клетке. Но никто не замечал его бессильной ярости, так как люди вертели головами, переводя взгляд с молодого менестреля на красотку. Народ сгорал от любопытства: что за каверзу затеяла эта парочка ненормальных?

— Как родина любит своих спасителей?! — завопил менестрель. — Покажи мне!

Менестрель призывно распахнул объятия, и как был, без шляпы, в расстегнутом камзоле, побежал по столу, навстречу возлюбленной. Танцовщица вздрогнула, словно проснулась. Бесстыдство и вызов сменились любовью и безграничным доверием на лице девушки. Она тоже распахнула объятия, и ринулась навстречу своему герою прямо по столу.

Они сближались, ослепленные любовью. Пировавшие торопливо выдергивали глиняные тарелки у них из-под ног. Несколько все же разбилось, их черепки разлетелись по мостовой.

Ровно на середине стола влюбленные с разбегу налетели друг на друга и, стиснув в объятиях, закружились — словно не виделись целую вечность. Площадь зашумела. Вельможи замерли, не зная как реагировать, вперив взгляды в багровое лицо короля. А король расхохотался, и несколько раз одобрительно хлопнул в ладоши. Галерея придворных взорвалась приветственными криками.

Люгер тоже не отрывал глаз от короля. Молодой монарх, о котором ходило столько гадких слухов, поражал его все сильнее. Этот король презирал предрассудки, был жаден до новых знаний, и мечтал вернуть былое величие стране. Неужели череду бездарных пьяниц на троне сменил монарх-подвижник, готовый встряхнуть страну от затянувшейся спячки? И слова Борхарда: «секретный ученый», волнительно щекотали самолюбие шарлатана. Неужели это возможно? Бродячий шарлатан станет ученым? Ставить опыты, иметь свой дом, где можно открыто работать, материалы, которые не надо добывать тайком с риском для жизни... Люгер понял, что теряет осторожность. Соблазн манил так сильно, что мутил разум. Любое искушение — ловушка, твердил себе шарлатан. Но память ласкали слова «секретный ученый», и он не в силах был их отогнать.

Бесчинство на столе длилось не дольше минуту, но Верховному Иерарху хватило этого времени, чтобы подавить бессильный гнев и вернуть себе холодный разум. Иерарх обратил внимание на командира одного из отрядов серого ополчения. Этого здоровяка отгоняли разгневанные жрецы, а он упрямо лез, куда не положено, и отчаянно маячил, стараясь попасться на глаза Иерарху. Интуиция редко подводила Святейшего, он дал незаметный знак — пропустить. Через секунду запыхавшийся командир серых, горячо докладывал в самое ухо Иерарху:

— Настоящий колдун, нечисть, напустил морок, прокрался в свиту короля...

Иерарху пришлось даже стукнуть здоровяка по руке, которой тупой ополченец начал указывать пальцем в направлении высокого типа в капюшоне. Тот неприметно держался среди королевской свиты, сохраняя дистанцию от знатных вельмож. Искушенный в интригах мозг Верховного Иерарха стремительно оценил новую информацию. В наивном бреде, который нес здоровяк, присутствовало какое-то важное нарушение логики.

Толпа на площади завывала от хохота. Дерзкий менестрель вытворял совсем уже непристойную шутку. Схватив изрядный кубок с вином, он вдвинул его основание себе в штаны, так что шаровидная чаша торчала у него между ног, вызываясь покачиваясь, и роняя капли вина на стол. Девушка послушно опустилась на колени, и приникла губами к краю кубка. Простолюдины за столами затаили дыхание, наблюдая, как она глотает, запрокинув

голову, а струйка вина течет с ее подбородка. Девушка ни на мгновение не спускала глаз с лица любимого, трогательно выгнув шею и отставив руки в стороны. А когда вино кончилось, лихо смахнула капли с губ тыльной стороной ладони.

— Вот так мать-земля, утолит жажду вином любви своих спасителей! — заорал менестрель.

Гуляки за столами взвыли от восторга, бросились чокаяться, и пить.

— Безнравственность губит эту землю! — вяло бормотал в клетке Босой, опустив глаза вниз, словно изнасилованный бесстыжей сценой.

Король Борхард удовлетворенно оценил тот шок, который пришлось испытать гордому фанатику.

— Ну что, уразумел, кто здесь главный?.. — Король поинтересовался свысока. — Когда мне надо — заткну рот любому. Выходи. Хватит дурачиться, — негромко подбодрил король. — А то велю закрыть клетку, и вернуть в тюрьму, а ночью Иерарх тебя удавит...

Король повел плечом, будто потянувшись закрыть дверь клетки. Но Босой, как бы невзначай, переставил заскорузлую ступню, не позволив двери закрыться.

— Ну, то-то, — благодушно ухмыльнулся король. — На высшую силу надейся, а здесь не забывай, в чьей ты власти...

Он махнул менестрелю. Юноша моментально прыгнул со стола, и утянул за собой девушку. Представление закончилось. Музыка прервалась.

Пока бесноватый праведник Босой еще был в ступоре, к Верховному Иерарху наоборот, вернулся острый ум, без которого он никогда бы не достиг вершины духовной власти.

— Теперь ясно, почему король был так нагл! Хвастался, будто высшая сила сотворит чудо, благословляя его на войну. Он выдал себя! — догадка, осенила Иерарха. Переполненный злорадством, Иерарх повернулся к командиру серых, мечтающему выслужиться, и распорядился: — Этот шарлатан. Он готовит для Борхарда ложное чудо. Шарлатана надо выкрасть любой ценой. Мы заставим его послужить вере и истине. Пусть сотворит чудо для нас, и король останется посрамлен...

Капитан серых ринулся выполнять приказание, но Иерарх прихватил его за плечо, и успел шепнуть в самое ухо:

— Если не будет никакой возможности — просто убей. Змеиное жало ложного чуда нужно вырвать у короля любой ценой...

В центре площади Босой медленно выбрался из клетки, и принял в руки посох, который ему услужливо дал протиснувшийся сквозь толпу малолетка.

— Я пойду впереди короля! Со мной высшая сила. Которая сокрушит извергов нашими руками, какая бы армия у них не была! Это будет священный поход! Справедливый! Он очистит грехи всех, кто пойдет за мной! — провозгласил Босой.

Фанатик уходил с площади, воздевая руки к небу и бормоча. Улица, куда направился Босой, вела к городским воротам. Улица извивалась зигзагами, поэтому ворота невозможно было разглядеть. С площади виднелась только дозорная башня. Люгер вдруг поймал себя на том, что инстинктивно оборачивается взглянуть на эту башню, высившуюся над домами в нескольких кварталах. Внезапно, его охватила смутная тревога, предчувствие беды. Настолько сильное, что Люгера пронзила дрожь. Кулаки судорожно сжались, шарлатан стоял, подрагивая, закинув голову, стискивая зубы. Это был страх, необъяснимый спазм ужаса, будто вот-вот случится непоправимое.

Люгер старался держаться ближе к королю, насколько это было возможно. Шарлатан тихо стоял позади королевского стола, между свитой и охраной. И это место было его единственной защитой. Пока шел пир, шарлатан чувствовал себя неудобно: спесивые вельможи бросали косые взгляды на странного типа в капюшоне, незаслуженно приближенного королем. Люгер не приближался к столу, но и не отдалялся, пока король сам не вышел из-за стола к Босому. Туда же устремились все взгляды, в том числе охранников.

— Будьте прокляты, дурные и развратные! Оставайтесь глазеть на блудливое представление. Ад пожрет вас! Священный поход ведет к свету! — восклицал Босой, удаляясь от клетки в улицу.

Некоторые пирующие вскакивали, и следовали за бесноватым праведником. А вокруг Люгера образовалось разряженное пространство. Шарлатан выругал себя за то, что из-за умопомрачения соблазном и страхом, утратил осторожность, и отвлекся в сторону башни. Люгер быстро оглянулся по сторонам, и вздрогнул, наткнувшись на злой взгляд тучного настоятеля Шомело-Дельвинской обители. Налитые кровью глаза алчного главного жреца переполняли изумление. Жрец тоже узнал шарлатана, и был напуган до крайности.

Люгер отпрянул прочь. Король был слишком далеко. А настоятель дал знак парочке своих жрецов, и те двинулись к Люгеру. Шарлатан начал отступать боком, прочь от королевского стола, лавируя среди поредевшей толпы вельмож и наталкиваясь на горожан. С каждым шагом Люгер двигался быстрее, стараясь не упускать из поля зрения догонявших жрецов,

Но люди вокруг внезапно задрали головы. Колокол на дозорной башне, которая только что мучила Люгера тревогой, вдруг издал странный звук. Это не был отчаянный удар набата, и не звон торжества, а неловкий звяк, словно колокол нечаянно задела, и впопыхах пытались заглушить его голос.

Люгер уже бежал от преследователей, когда толпа вокруг ахнула. Здоровенный медный колокол выкатился из-под крыши дозорной башни, и полетел вниз. Он рухнул на землю в нескольких кварталах от площади. Эхо тяжелого удара отдалось металлическим гулом под ногами в камнях мостовой. И сразу раздался свист, как будто воздух под давлением вырывался из продырявленных кузнечных мехов. Но для такого громкого свиста меха и кузница могли быть только великанские.

— Катапульта! — дико заорал кто-то на площади, осознав, что за свист приближается.

Немыслимый грохот раздался следом. Каменная глыба, рассекавшая воздух, обрушилась сверху на железную клетку, в которой недавно сидел Босой, и за дверцу которой только что держался король.

Металлические прутья вмяло внутрь чудовищным ударом. Искореженная клетка впечаталась в настил эшафота, пробив его доски. Каменная глыба расшиблась о решетку на осколки, веером разлетевшиеся вокруг. Площадь огласили вопли раненых. Кому-то из горожан осколками посекло глаза, кому-то порвало одежду, а кому-то срезало голову.

Пораженный катастрофой на площади, Люгер замешкался ровно на мгновение. Король, стоявший ближе всех к месту падения глыбы, исчез из виду в облаке пыли, поднятом чудовищным ударом. За пыльной завесой мелькнуло, будто молодой король упал, как

сраженный. Люгер стоял, замороженного глядя, как вместе с королем лопается его мечта стать настоящим ученым. А уже в следующую секунду шарлатан был сшиблен с ног, и схвачен крепкими руками. На голову Люгеру набросили мешок ополченцы в сером, и поволокли в сторону, понукаемые здоровяком-командиром. Жрецы, тоже посланные за Люгером, опешили, глядя, как добычу, уводят прямо у них из-под носа.

Король, тем временем, поднялся на ноги, но из-за багрового цвета жуткого пятна, занимавшего половину его лица, никто не понял: цела голова монарха или разнесена вдребезги. Каменная глыба не задела Борхарда, но удар был такой силы, что дрогнула земля под его ногами. К тому же мелкие щепки отлетели королю в лицо, и рассекли его до крови.

Верный менестрель первым бросился на помощь королю, за ним еще несколько знатных кавалеров. Отряд стражи, бряцая оружием, побежал к дозорной башне. Опытные воины сразу определили, что катапульта выстрелила именно оттуда. А немислимую энергию каменной глыбе придал тяжеленный колокол, рухнувший с башни противовесом.

Для Верховного Иерарха невозможно было придумать более драгоценного момента. Оглушенный король, мотая головой, говорить еще не мог. Горластый Босой удалился с площади. А лже-чудотворец был уже схвачен — от глаз Иерарха не укрылось, как серые набросили мешок на голову Люгеру.

Иерарх не упустил момент. Он поднялся во весь рост, и провозгласил суровым голосом:
— Дурное предзнаменование! Это предостережение высших сил! Счастье, что король не погиб! На колени все! Живо!

Услышав глас Иерарха, простолюдины начали послушно опускаться на колени.

— А вы что стоите?! — гневно прикрикнул Иерарх на знатных вельмож. — Или не рады спасению короля? Благодарите высшую силу за его спасение!

Спесивые рыцари один за другим опустили на колени и вскоре на площади все как бы укоротились в росте и послушно внимали Иерарху. Торжественный высокий головной убор еще больше добавлял Иерарху стати, искрясь позолотой и драгоценными камнями. Со своего места он возвышался над людьми, с каждым словом набирая степенную уверенность.

— Не бывать походу успешным без благословения! Я молю высшую силу совершить чудо и призову вас всех, когда чудо можно будет лицезреть! А до тех пор приказываю всем смиренно ждать! Не гневая высшую силу гордыней лже-пророков или наглым распутством, возомнивших...

Но Верховному Иерарху не суждено было закончить и вторую свою речь. Дикие вопли, звон железа, грозные крики мужчин и отчаянное ржание коней прервали его. В тесноте улицы шел бой, и сражение приближалось... Рыцари вскочили с колен, хватаясь за оружие, а простолюдины — спасаясь от беды.

Месиво яростно дерущихся существ выплеснулось на площадь из улочки в следующий миг. Боевой конь стражника в доспехах пятился, то и дело вставая на дыбы. Панический страх благородному животному внушало существо, нападавшее на него. Точнее — это были два существа. Невиданных размеров шлем, больше напоминающий котел, защищал голову всадника. Но еще ужаснее, что у всадника было четыре руки. Он орудовал сразу четырьмя клинками, попарно с каждой стороны. Двумя руками свирепый воин разил справа и слева, отбивая удары копий, которыми его пытались достать пешие алебардисты короля. А еще двумя монстр прорубал себе дорогу вперед, бешено атакуя кавалериста, преграждавшего ему путь.

Но страшнее всадника было чудовище, на котором он восседал. Тварь, покрытая

клочковатой серой шерстью, была размером с крупного осла, но ничуть не походила на мирное травоядное. Мощная грудь и сильные передние лапы, на которых вместо копыт торчали когти, выдавали свирепого хищника. Шея была такой же высокой, как у коня, но голова мельче, абсолютно черная, а из пасти торчали клыки. Этими-то клыками, зверюга снизу впила в горло отступавшего коня и резко мотнув башкой, вырвала кусок мяса.

Конь судорожно грохнулся на мостовую, обрызгав кровью толкающихся в панике людей, с хряском придавил своего всадника, который закричал от дикой боли, а задние ноги коня судорожно задргались, лягая спины разбегающихся горожан. Вопли ужаса раздавались вокруг.

Лучники, преследовавшие кошмарного бойца, разом выпустили стрелы. Две из них срикошетили от доспехов всадника, а еще одна глубоко вошла в зад твари, кусающей коней. Бестия задрала голову, и издала визг, от которого у людей на площади мороз пошел по коже.

Горожане бежали врассыпную от схватки, лишь бы спасти свои жизни.

— Лазутчик извергов, верхом на гигантской боевой гиене. Это он выстрелил с дозорной башни. Ворота успели закрыть, и теперь изверг мечется по городу, пытаясь вырваться, — отрапортовал Иерарху подбежавший командир «серых». — Ваше Святейшество! Я уведу вас в безопасное место.

Здоровяк подал руку, чтобы помочь Иерарху сойти с галереи. Но получил хлесткую оплеуху вместо благодарности. Иерарх врезал ему справа по щеке, и бешено заорал:

— Идиот! Тебе приказано беречь схваченного колдуна, как зеницу ока! Кто его охраняет? Ты что, этого не видишь?..

Иерарх ткнул пальцем в перстнях. Битва изверга с целым отрядом королевских стражников перемещалась в сторону улочки, куда уволокли схваченного Люгера. Серый здоровяк, как ошпаренный побежал обратно, кляня свою оплошность.

Бой и кровь на площади быстро вернули к реальности «проклятого» короля. Борхард протянул руку, требуя боевой шлем. Король не собирался выпускать из города лазутчика извергов. Дюжина отборных бойцов личной гвардии короля, ринулась на подмогу стражникам, изнемогающим под ударами четырехрукого диверсанта. Гвардеец оттолкнул капитана серых, не вовремя оказавшегося на их пути. Здоровяк капитан отлетел, и растянулся на мостовой, понимая, что не успевает предотвратить самое худшее.

Гиена изверга уже не скакала, и не металась, а только ползла — у твари парализовало задние конечности. Из ее спины торчало копьё, глубоко вонзенное подобранным вплотную алебардистом, который валялся тут же у стены дома, отчаянно пытаясь зажать кровь, хлещущую из отсеченной руки. Изверг отбивался уже только двумя руками, парой других волок раненную гиену за сбрую.

Оставленные капитаном неопытные серые ополченцы, парализованные ужасом, пятились от надвигавшегося на них хрипящего кошмара, вертящего сталью клинков. Гиена огрела лапой горожанина, рядом с ними, и растерзала его клыками, волоча обездвиженный зад. Обрызганные кровью серые, не могли отвести глаз от ее пасти. Никто и не думал охранять доверенного им пленника, скрученного в мешке. Новым взмахом лапа, когтистая, как у самой смерти, поднялась разить серых бойцов. Те отшатнулись с воплями, в панике толкнув на гиену мешок с Люгером.

Двумя часами ранее

Маленький горбоносый бородач метался в пустом, незнакомом доме. В темноте он натыкался на препятствия, опрокидывал стулья, но огня не зажигал. В руках он стискивал большой прямоугольный сверток.

— Хорош метаться! — презрительно окликнул из темноты насмешливый молодой голос. — Мы же под покровительством короля.

— Помилуй, высшая сила! Город кишит серыми отрядами Иерарха. А у нас черная книга! Подлинные рецепты колдовства и магии! Никакой король не спасет, если найдут!..

Узи замотал ткань плотнее, инстинктивно пытаясь глубже упрятать запретную книгу. Хотя темень в доме стояла такая, что содержимое свертка не различил бы сам бес.

— Давай пока спрячем подальше. Например, в подвале, — рассудил молодой Ача. Он несколько раз ударил огнивом о камень, высекая искры, и зажег свечу. — Я слышал, черная книга стоит бешеных денег, если найти покупателя, который жаждет научиться плохому, — ухмыльнулся Ача.

— Не зажигай огня! Снаружи охранники заметят, — взвизгнул бородач, и спрятался в простенок между окнами, прижимаясь там спиной к стене.

Ача тоже встал в соседний простенок, демонстрируя, что не отвергает разумной осторожности. Мерцающий огонь свечи, которой он поводил из стороны в сторону, выхватывал из тьмы углы комнаты.

— Винтовая лестница уходит в подвал, — заметил горбоносый. — Туда через всю комнату добираться. Гаси свечу!

— Вот еще! — возмутился юноша. — На четвереньки вставай, пригнись ниже окна, если так боишься. Проскочим.

— Только ты не делай паука страшного, — попросил горбоносый. — Меня тошнит, когда ты его изображаешь.

— Без паука, ты еще час будешь препираться, — проворчал Ача. Его пухлые губы скривились в зловещую усмешку.

Блондинчик опустился на пол, рядом поставил свечу и точными, умелыми движениями начал выворачивать наизнанку сначала ноги в коленях, а потом — руки в локтях. Суставы выворачивались с отвратительным хрустом, молодой человек кривился.

Через считанные секунды он вскочил на жуткие четвереньки. Голени его ног и предплечья рук противоестественно торчали вправо и влево от туловища. Ладони рук вывернутые вверх, тыльной стороной опирались на пол. Он стал похож на тюленя, опирающегося на ласты, или гигантского паука. Вдобавок Ача шевелил пальцами, вывернутыми вверх. Превратившийся в омерзительное зрелище, блондинчик разразился зловещим, сатанинским хохотом и припустил к горбоносому, энергично дергаясь на культях-конечностях.

Тот взвизгнул от ужаса, пригнулся, и в два прыжка был уже возле винтовой лестницы, по которой юркнул в подпол. Юноша на четвереньках последовал за ним, не забыв ловко зажать горящую свечу между вывернутыми пальцами.

— Ненавижу, просто ненавижу, когда ты так делаешь! — захлебывался бешенством

горбоносый, уже сидя на полу в подвале. Он побледнел, и задыхался от пережитого волнения. — Чтоб ты сдох, Ача! Зря Люгер тебя взял. Вред один от тебя! Погубишь нас когда-нибудь.

— За то и держит, — хмыкнул ехидный блондинчик, сидя на ступеньке лестницы и возвращая суставы обратно, с гадким хрустом. — Только я могу сложиться узлом в ящике, который Люгер распиливает. Чернь думает, будто он правда меня пополам режет. Это благочестивые мне суставы на дыбе наоборот вывернули. Пытали, когда был еще совсем пацаном...

— Вот, правильно тебя пытали! Жаль — мало. И что, малыш? Слышал, будто ты родного отца и мать предал, типа они колдуны? — с жаром напомнил Узи. — И по твоему доносу их сожгли? — Он упивался мстостью за пережитый страх.

— Посмотрю, как ты запоешь, если пытаться начнут, — огрызнулся поскучевший Ача. — Лучше умереть, чем еще раз так попасть... Надо бежать из белого города пока не поздно!

— Но до пыток раскаленным железом ты ведь не дотерпел, малыш? Раньше разболтался, — мстительно не унимался горбоносый.

— Тварь ты, Узи. Кто до железа доходит — умирает или ума лишается, — мрачно пробормотал юноша.

Ученики шарлатана отвернулись друг от друга, и принялись озираться, и ощупывать замшелую кладку стен подвала.

— Негде прятать, — пробормотал Ача. — Бежать надо скорее, а не ждать смерти в этой ловушке!..

— А как же Люгер?.. Он вернется, а нас след простыл? — возмутился преданный Узи.

— А он вернется?.. Мы же в дороге сговорились — бежать при первой возможности. Может эта возможность Люгеру раньше подвернется?

Горбоносый не собирался обсуждать возможность не возвращения Люгера. Он демонстративно сменил тему.

— Надо спрятать книгу в самом грязном углу, куда никто соваться не захочет. Как этот, например. Еще и воняет, — Узи наклонился, и без малейшей брезгливости начал разбирать кучу овощных очисток, заплесневевших в углу. Но вдруг отдернул руку.

— Свети сюда, Ача! — взволнованно позвал горбоносый.

В куче мусора торчало железное кольцо. Узи потянул за него, напрягшись изо всех сил. И распахнул квадратную дверцу тайника. По инерции не удержался на ногах, и плюхнулся на зад, вздернув перед собой небольшую дверцу. Молодой Ача шустро свесился по пояс в открывшуюся яму. Он озирался, поводя свечой, нагнулся ниже, и выпрямился с копченым окороком в руках.

— Ух, ты! — выдохнул Узи.

Ача уже снова шарил в тайнике.

— Тут гороха мешок, соленья в бочонке, масло... — перечислял он немного глухо, не поднимая головы. — Хозяева запасались на черный день. И все без толку.

Блондинчик выпрямился с глиняным сосудом, узкое горлышко которого было надежно запечатано.

— Вино! Хорошее, похоже. Давай, по глоточку?..

— Книгу туда спрячем? — возбужденно кивнул на яму горбоносый.

— Погоди, надо подумать. Сначала выпьем чуть-чуть — в голове прояснится, тогда решим, где прятать...

Спорить с приятелем по такому поводу Узи не стал. Горбоносый оставил сверток с черной книгой на полу, ухватил окорок, и заторопился за Ачей вверх по лестнице. Они расположились в простенке между окнами. Переволновавшиеся подмастерья шарлатана сразу хлебнули из кувшина несколько изрядных глотков.

— Главное — не спугнуть благосклонность судьбы, — предупредил Узи, немного успокоившись. — Давай, сейчас тормознем с питьем, пойдем и спрячем надежно черную книгу.

— А что толку? — возразил Ача, забирая кувшин. — Забыл, что у Люгера в дорожных мешках ртуть, и мышьяк, и эти — нетопыри, летучие мыши связками, рога черного козла. Нечистых запасов на десять костров... Это куда прятать?

Горбоносый поперхнулся. Но не от того, что груз был проклятием, которое они таскали за собой. Странный трубный звук потревожил шарлатанов. Сигнал горнов, пронизавший насквозь улицы и дома, раздался с площади.

— Почему так громко? — встревожишься Узи. — На площади, наверное, вообще оглушили всех?

— Там же заседание капитула. Торжественный момент, — рассудил Ача.

Горны стихли, шарлатаны-подмастерья хлебнули еще вина.

— Я так уважаю Люгера! — признался осоловевший Узи, с сожалением отнимая горлышко кувшина ото рта. — Мы здесь, целые, пройдя сквозь легион благочестивых. Нас поселили в богатый дом, когда вокруг толпы головорезов теснятся вповалку по чужим углам. Это значит, что Люгер теперь — особо важная персона, ученый, а не колдун-прощельга. А мы с тобой знаешь, кто?.. Мы — ассистенты секретного ученого, а не подмастерья колдуна!

Пугливый горбонос быстро опьянел, и утратил привычную осторожность.

— Пьяная чушь! Нас тут не поселили, а заперли, — возмутился Ача, который захмелел меньше, но изъясняться стал многословнее. — Король хочет грандиозное чудо. Трем шарлатанам без подготовки такое совершить непосильно! Но, даже если вдруг нам невероятно повезет, что для короля будет важнее всего?.. Чтобы никто никогда не узнал, что чудо было фальшивое! А как короли добиваются молчания?.. Языки отрезают. Но человек и без языка под пыткой может кивать или мычать... Королю проще заставить нас замолчать навсегда. А это он может очень даже...

Но закончить мысль Ача не успел. Вдруг произошло странное. Кувшин с вином подпрыгнул с пола вверх, стукнулся на лету с окороком, и повалился на бок. Каменные стены дома вздрогнули. Как будто землю трянуло от могучего удара. С полок на стенах со звоном повалилась кухонная утварь. Незакрепленная крышка подвала, захлопнулась с тяжелым стуком. Черепица с крыш ближайших домов покатила на мостовую, разбиваясь вдребезги. Ее треск слился с жутким грохотом, долетевшим со стороны главной площади. И все это в один миг.

Ача вскочил на ноги и замер, прислушиваясь. В доме слышалось только бульканье вина из опрокинувшегося кувшина. Но скоро вопли, гвалт, панический топот ног, звон металла разорвали тишину снаружи. Отблески факелов заплясали перед воротами их дома. По улице от главной площади в ужасе бежали люди, много людей.словно город взбесился. Ача отшвырнул кусок окорока, и приник к окну. Но увиденного блондинчику показалось мало. Он выскочил из дома и побежал к воротам.

Вдребезги пьяный Узи остался сидеть на полу в комнате. Неуверенной рукой малыш пробовал поднять опрокинувшийся кувшин, но промахнулся и лишь неловко задел сосуд.

Кувшин закрутился на боку, как волчок, разбрызгивая по полу остатки вина. Узи пытался остановить его, ухватив за горлышко, но хватал мимо раз за разом.

Дверь распахнулась, Ача ввалился обратно, сгибаясь под тяжестью дорожных мешков, снятых с осла. Блондинчик перевалил их на стол.

— Изверги атакуют город! Обрушили на площадь огромную скалу. Там — кровавое месиво! Король убит наповал!..

Ача сообщал панические слухи, которые выкрикивали пробежавшие мимо горожане.

— С заседания капитула никто не ушел живым...

Одновременно блондинчик шарил в дорожном мешке, запустив в него руки по локоть и что-то сосредоточенно выискивая.

— Это же Люгера мешок, — подметил недоумевающий Узи.

Ача начал прощупывать швы мешка тонкими, чувствительными пальцами.

— Невозможно столько монет зашить в какие-то швы, — с досадой признал блондинчик. — Ну-ка, Узи, трезвей быстро и вспоминай: сколько всего денег мы заработали на чудесах за эту весну?.. Не могло у Люгера ничего не остаться!

— Сто монет за оживление статуи отвалил настоятель в Кампо-Гиро. И за превращение ворон в белых голубей на праздник небесной благодати с нами хорошо рассчитались... Было несколько увесистых кошель, — вспомнил Узи. — Что ты делаешь?

Ача уже набивал котомку остатками съестных припасов. Торопливо собирая манатки, блондинчик украдкой поглядывал в окна: куда смотрят охранники, приставленные к воротам.

— Бежать надо! — пояснил Ача. — Люгера уже не дождемся. Наш мэтр наверняка погиб на площади, в лучшем случае — в плену у извергов. Мы еще успеем вырваться за городскую стену. Нельзя оставаться в этой западне, когда такое началось. Куда же Люгер дел столько денег? Где он их прячет?

Ача глубже запустил руки в мешок Люгера.

— Я понял! — Узи вытаращил глаза, пораженный чудовищной догадкой. — Ты ищешь деньги не для того, чтобы выкупить Люгера из плена, а чтобы сбежать?.. Я раскусил тебя, подлец!

Бездна нравственного падения Ачи шокировала Узи настолько, что горбоносый плюнул в блондинчика. Но промахнулся.

— Ты предаешь нашего мэтра, чтобы прикарманить денежки!..

Узи бросился на Ачу, вне себя от ярости. Блондинчик отталкивал агрессивного малыша, вытянув руку, упираясь ладонью ему в подбородок. А Узи беспорядочно молотил руками, длины которых явно не хватало, чтобы нанести ущерб физиономии коллеги. Ни один не мог взять верх в дурной потасовке мелких шарлатанов, не умеющих драться.

Чудовищная смерть

Окровавленная гиена изнемогала, окруженная врагами. В гуще боя когтистая лапа диковинного зверя махнула впустую, не зацепив никого. Мешок со связанным Люгером, отброшенный серыми паникерами, стукнулся зверюге в бок. И в этот миг строй лучников, с дистанции в десяток шагов, дружно спустил тетиву. Стрелы вспороли воздух. Две из них пронзили мешок с Люгером. Одна прошла мешковину в сантиметре от горла шарлатана и ушла насквозь дальше, вонзившись в бок огромной гиены. Еще одна стрела чиркнула подмышкой Люгера, порвав его балахон и разодрав кожу, но не причинила другого вреда.

Зато две другие стрелы пробили гиене глаз, по самое оперение войдя в голову. Страшный зверь взвился, захлебываясь клекочущим воплем, и рухнул на Люгера сверху. Придавленный шарлатан, успел в падении извернуться, выставить острие стрелы из подмышки, еще и снизу пронзив тушу издыхающей твари.

Вокруг, на мостовой лежала целая груда тел. Израненный изверг сражался, попирая их ногами. Одна из четырех рук уже висела безжизненно, как плеть. Второй не доставало сил держать клинок, и он помогал ей третьей рукой. Только одна, правая верхняя рука, видимо самая сильная, все еще была страшна. И клинок, который ручища стискивала, поводя им по сторонам на уровне человеческой шеи, заставлял осмелевших людей держаться на почтительном расстоянии.

Численное превосходство и присутствие короля толкало смельчаков отличиться. Бойцы храбрились, выскакивали вперед, дразня изверга, но прятались обратно в толпу, как только его клинок мелькал у них перед глазами.

Однако, бескровная пауза не могла тянуться долго. Огромный шлем уже слетел с головы изверга. Хотя трудно было назвать головой эту уродливую башку. Дыхание с хрипом вырывалось из провалов двух круглых ноздрей, заменявших нос этому лицу, а толстенный лоб нависал далеко над глазами. Телосложение изверга во многом напоминало человеческое, но было в нем что-то и от краба. Четыре руки, растущие из плеч, и ноги, выгнутые дугой, служили опорой мощному круглому торсу.

Сетчатые глаза, которыми изверг поводил по сторонам, не выражали никаких человеческих эмоций, потому что в них были десятки зрачков. А выражать они могли только отчаяние. Враги напирали на загнанного в ловушку лазутчика. Длинные копья целились ему в голову, не позволяя пустить в дело клинок в ближнем бою.

Расталкивая воинов, к извергу приближался «проклятый» король. Но в этот момент под ногами копейщиков завозился человек в мешке. Люгер сбросил мешок с головы и, стоя на коленях, устоялся сначала на груду тел, а затем на изверга, удерживавшего свой последний бастион.

Изверг тоже взглянул Люгера. И странно дрогнул. Сетчатые глаза моргнули вертикальными шторками век. Люгер отшатнулся, сидя. Изверг вдруг заговорил:

— Ашуртук баяноглы! — гортанно рыкнул изверг низким голосом. И в этом возгласе дрогнула тоска. — Никоман! Никоман хардыпсу!..

Две руки, сжимавшие лезвие качнулись, изверг оступился, и, наконец, отвел взгляд от Люгера.

— Сдавайся! Тебе не уйти! — приказал король. — Он понимает что-нибудь по-нашему?..

С воплем, похожим на клекот хищной птицы, раненый изверг швырнул клинок в толпу врагов, метко пронзив одного из лучников. Развернулся, и прыгнул на стену дома, начав карабкаться вверх, используя разом три руки, цеплявшиеся за малейшие выступы. Не менее цепкими оказались и короткие, расставленные ноги. Ими изверг ловко толкал себя вверх, как скалолаз.

— Уйдет! — охнул король.

Толпа копейщиков ринулась вперед. Изверг уже почти вскарабкался на второй этаж. Подвела раненная рука — лазутчику не хватило доли секунды. Десяток копий воткнулись в его спину. Руки изверга распахнулись, отцепившись от стены, а тело поникло на копьях, острия которых вышли из его груди.

К живому извергу решались приблизиться только редкие смельчаки. Но поглазеть на мертвого нелюдя теснились все. Любопытство сменило страх. Чтобы к телу изверга смог подойти король — охране пришлось расталкивать сгрудившихся людей.

Люгер остался за их спинами один. Потрясенный, он поднялся на ноги, и сделал несколько неуверенных шагов в переулок. Подхватил валяющийся на земле плащ кого-то из серых, и побрел дальше.

Королю тем временем докладывал начальник городской стражи, вернувшийся с дозорной башни.

— Катапульта стояла на самом верху. Диковинной конструкции. Выстрелила очень далеко. Изверг привязал колокол к ее рычагу. Как у него сил хватило столкнуть с башни колокол — ума не приложу, — сконфуженно кивнул главный охранник городских ворот на распластанного мертвого врага. — Вес огромный, цепь разломилась железный рычаг, но на один выстрел энергии хватило. И прицел точный непостижимо.

— Изверг был один? — поинтересовался король.

— Следов других не обнаружено, — отчитался начальник стражи. — Правда... — он осекся. — В городе шушукуются о каком-то нечистом колдуне. Типа его козни поспособствовали извергу проникнуть за ворота?..

— А ворота кто охранял? Ты?.. И как же мимо тебя прошли и лазутчики, и колдуны? Просочились, типа? — Багровая половина лица короля была мрачна, как никогда раньше.

Начальник стражи побледнел, и не нашелся что ответить.

— Взять его, — кивнул Борхард личной страже. — В цепи. Как предателя.

Король дал приказ страже отступать к дворцу, прихватив тела своих погибших, и изверга.

Эхо гвардейских сапог еще звучало вдоль улицы, когда на место побоища заявили угрюмые малолетки. Четверка подростков опиралась на черенки мотыг — сельский инструмент на брусчатке городских улиц выглядел странно.

— Ты прикинь, харя?! — хохотнул подросток, не по детски жутковато хриплым голосом, и ткнул мотыгой тушу огромной гиены.

Горожане, не решавшиеся приблизиться к груде тел, теперь и вовсе застыли в страхе на углу квартала. Подростки могли орудовать вволю.

— Слышь, а тут я такой! — оскалился один из малолеток, спустил штаны и начал мочиться на морду гиены.

— Правда, что они забивают грешников мотыгами? — спросил удивленный серый

ополченец у трактирщика, косо смотревшего на происходящее, с порога своего заведения, располагавшегося неподалеку.

— Опять вернулись гаденыши. Часа не прошло, как Босого выпустили, — пробормотал трактирщик со злой тоской. — Набежали «пахари». Чуют своего предводителя, будто клопы — кровь...

Сообразив, что сболтнул лишнего, недоверчивый трактирщик предпочел скрыться за дверью, с досадой вытирая руки полотенцем.

Струя мочи перемещалась по черной шерсти гиены от проткнутого стрелой глаза к оскаленным клыкам. Малолетки закатились от хохота. Но вдруг голова зверя пошевелилась, челюсть судорожно лязгнула, и раздался не то рык, не то — стон.

— Живая еще! Бей со всей силы! — и стая малолеток принялась добивать мотыгами испускавшее дух чудовище. Они кромсали голову страшилища несколько минут, и забрызгались кровью с ног до головы.

Убедившись, что гиена мертва окончательно, малолетки попытались таскать ее за хвост. Но туша оказалась слишком тяжела, подростки только сдвинули ее в сторону. Натешившись, банда вприскокку удалилась вниз по улице.

[Купить полную версию книги](#)